

І тема:
Чэловеческі капітал Севера

Различия в мобильности специалистов Севера – на примере Финляндии

Сеппо Ахо

Традиционно факторы производства включают в себя материальные ресурсы (в том числе сырье), капитал и труд. Неоклассические теории экономического развития основаны на положении о “естественном балансе”, содержащим идею экономически рационального выбора пути к наилучшему финальному результату. Трудовая мобильность в этой модели представляется естественным движением, регулирующим баланс спроса и предложения между регионами. Большинство теорий регионального развития рассматривают трудовую мобильность как угрозу сбалансированному региональному развитию, поскольку она может привести к оттоку необходимых региону трудовых ресурсов. Труд как основной фактор производства неоднороден: его *ключевой силой*, небольшой в количественном отношении, но создающей производство и управляющей им, выступают “капитаны индустрии” (по Торстену Веблену), в то время как основная масса выполняет работу, организованную и управляемую этим меньшинством. В современных экономических системах, где капитал и большая часть сырья характеризуются высокой мобильностью, повышенный региональный уровень безработицы, как правило, вызван недостатком высококвалифицированных специалистов (“капитанов индустрии”), способных создать и организовать производство. Таким образом, местонахождение и мобильность высококвалифицированных специалистов являются важными вопросами современных исследований регионального развития.

Специалисты как ключевой фактор

Рост трудовой мобильности является общей тенденцией во многих странах. С этим движением связан отток населения из периферийных районов и его прирост в центральных областях. Финская провинция Лапландия, например, потеряла 6,1% своего населения за шесть лет с 1996 до 2001 г. Многие из тех, кто покинул регион, были хорошо образованными людьми (82% из них – взрослое население), и далеко не все были безработными. В то же время население района Оулу, основного центра северной Финляндии, выросло на 14,2%. (Tilastokeskus, StatFin 2002). В других окраинных провинциях также наблюдался стабильный отток населения, и только в нескольких городских “районах роста” население увеличилось. Очевидно, уезжают не только безработные. С целью восполнить пробел в имеющейся информации о мотивах, лежащих в основе мобильности различных возрастных и профессиональных групп, было предпринято масштабное исследование (Aho & Pola 2002) в отношении мобильности образованных групп населения.

Мобильность образованных групп населения изучалась в рамках восьми регионов Финляндии, в которых население сокращалось, росло или оставалось стабильным. В состав большой выборки из образованных групп населения, представляющего традиционные и новые профессии (всего 1811 человек) вошли как недавние выпускники, так и люди с многолетним стажем работы.

Исследование концентрировалось на нескольких аспектах мобильности и регионального развития. В настоящей работе рассматриваются три характеристики образованного населения:

- 1) ценности и цели,
- 2) региональные предпочтения,
- 3) степень привязанности к региону.

Исследование позволило выявить новые аспекты по каждой из этих тем, результаты представлены в трех нижеследующих разделах. В заключительном разделе предложены краткие выводы, сделанные по итогам исследования.

Ценности и цели

Результаты обследования показывают важность условий работы для миграции. Они также показывают различия в моделях мобильности в различных фазах карьеры и жизненного цикла человека. Основными движущими силами миграции являются наличие работы и хорошей карьеры. Существует четкая связь между неопределенностью в отношении карьерного роста и принятием решения о переезде. Для некоторых групп населения перемена места жительства – довольно трудное решение, в то время как для других она вполне соответствует их стилю жизни. Решение о том, где устроиться после окончания университета – где жить, создавать семью и делать карьеру – имеет большое значение. Как правило, это место, которое становится привычным, со временем любимым и освоенным. Однако не всегда место, где человек живет даже в течение нескольких десятков лет, окончательно становится его домом.

Работа и условия жизни являются двумя наиболее важными факторами, влияющими на решение о выборе места жительства. Важность карьерного роста различается для разных людей и жизненных ситуаций. Работа часто бывает не единственным и даже не самым важным фактором, который принимается в расчет. В среднем возрасте и старше, когда порог мобильности возрастает, окружение и условия жизни становятся важнее. В целом качество среды является важным фактором, но при сравнении с другими факторами ему не всегда придается решающее значение. Наличие услуг и возможностей для отдыха обычно не имеют такого большого значения, как качество среды. Значение условий жизни в целом повышается с возрастом. Опытные профессионалы, планирующие уехать из

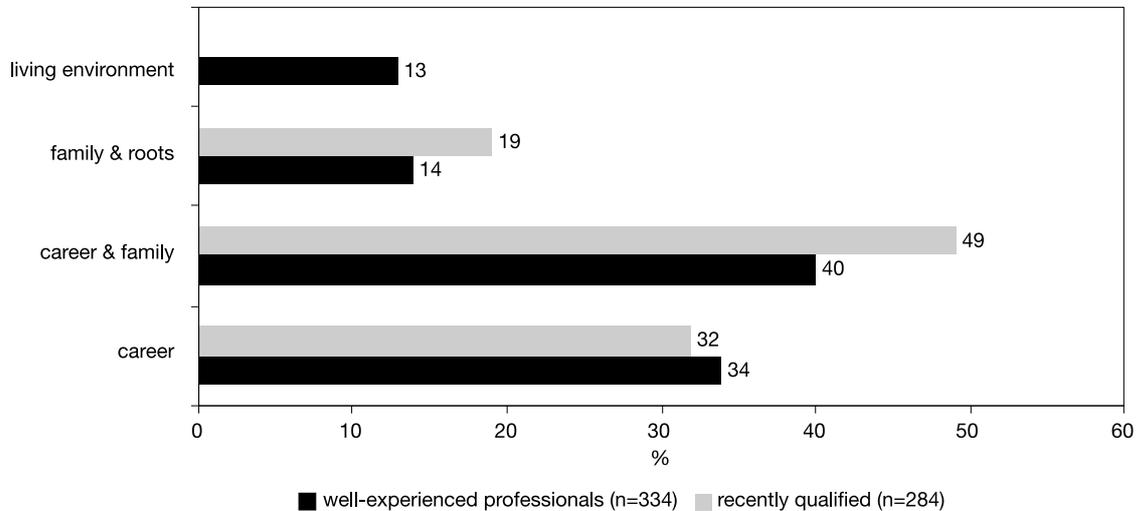
региона, как правило, не удовлетворены многими ключевыми факторами жизни в регионе. С другой стороны, переезд не всегда означает сильную неудовлетворенность той средой, в которой человек живет; в целом жизнь может быть вполне комфортной, но при этом отсутствуют определенные ключевые факторы.

Образованные слои населения, как правило, не придают большого значения таким понятиям, как “корни” или “родина”. На практике, однако, корни человека часто оказывают влияние на его/ее выбор места жительства; особенно это свойственно недавним выпускникам. Те, кто учился в своем родном регионе, выражают большее желание остаться в этом регионе после окончания университета. Даже те, кто, по их мнению, не испытывает сильных чувств к родному региону, обычно предпочитают соседние районы или знакомую среду (будь то сельская местность или большой город). Часто возникает дилемма: что лучше, остаться дома или уехать и начать карьеру в другом месте? Есть и такие (их меньшинство), кто намеренно хотел бы оторваться от дома. В большинстве своем опытные профессионалы приспосабливаются к месту, где они поселились. Правда, иногда в последующие годы возникают новые жизненные ситуации, которые вызывают желание вернуться в свой родной район.

Даже среди образованных людей цели и ценности сильно различаются. Эти различия хорошо видны в типологии, основанной на оценках респондентами основных факторов, влияющих на их выбор места жительства. Для многих важны как *карьера*, так и *семья*. Среди опытных профессионалов можно выделить тип под условным названием “люди семьи и карьеры”; среди недавних выпускников обнаружили два несколько отличных типа: тип “социальной” карьеры и семьи (т.е. работа, семья и другие общественные связи отмечаются как наиболее важные факторы) и тип “корней”, карьеры и семьи (т.е. работа и семья являются самыми важными, но экономические факторы и собственные корни также имеют значение). Карьерный тип обнаруживается среди как опытных профессионалов, так и недавних выпускников. В своем выборе он подчеркивает работу, карьеру, экономические факторы и условия жизни; семья и другие социальные связи не так важны для них. Меньшая, но четко выделяемая группа представляет собой тип, ориентированный на семью и корни, который ставит на первое место семью и собственные корни.

Недавние выпускники в этой группе также подчеркивают значение друзей и условий жизни. К четвертому из основных типов относятся опытные профессионалы, которые подчеркивают *качество жизни* (но не свои собственные корни). На рис. 1 представлено распределение опытных профессионалов и недавних выпускников в Лапландии по

считается более привлекательным, чем отдаленные районы. Особенно непривлекательны районы, наиболее удаленные от родных мест: уроженцы северной Финляндии не хотят жить в Уусимаа (южная окраина Финляндии), а жители юга Финляндии не хотят жить в Лапландии. Со своей стороны, многие жители восточной Финляндии скорее переехали

этим типам.

Рис 1. Опытные профессионалы и недавние выпускники университетов Лапландии: распределение по типологии 1 (основные факторы, влияющие на выбор места жительства).

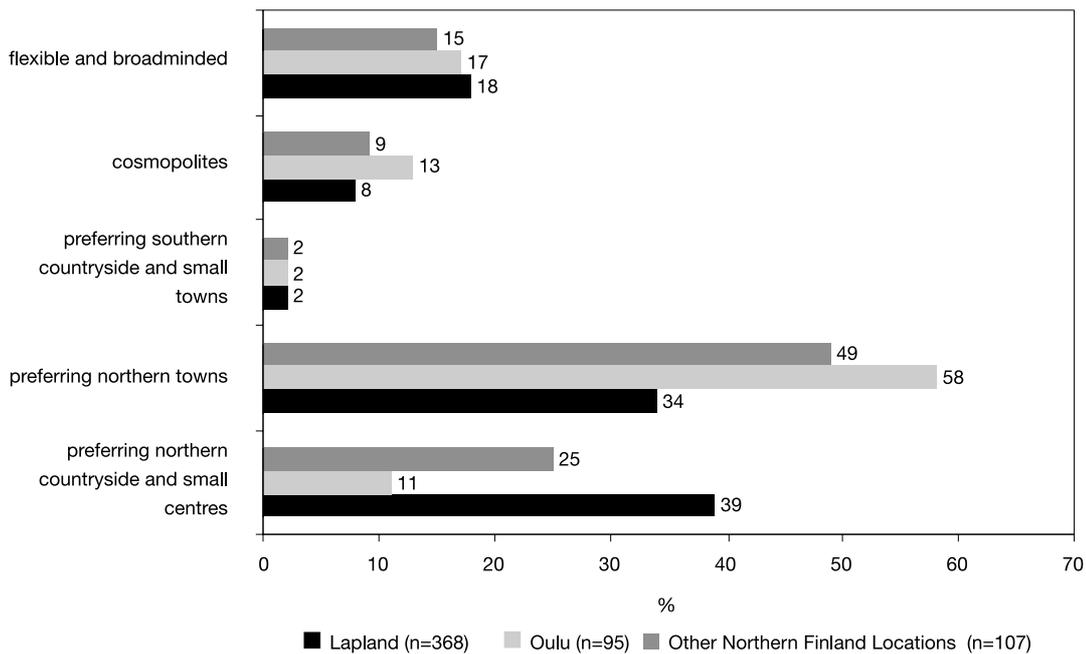
Из всех опрошенных профессионалов люди, ориентированные на *карьеру*, наиболее мобильны. Они чаще других получают свою (профессиональную) подготовку за пределами родного региона и после окончания университета раньше других уезжают, особенно в южные районы Финляндии. Даже люди со стажем, относящиеся к этому типу, легче принимают решение о переезде по карьерным соображениям.

Региональные предпочтения

Профессионалы в различных частях Финляндии — как с опытом работы, так и недавние выпускники — почти единогласно утверждают, что место, где они сейчас живут, их устраивает. Это говорит об удовлетворенности, но может также указывать на желание адаптироваться: немногие, вероятно, хотели бы признать, что они живут в районе, который им не нравится. Вообще район, где человек в настоящее время проживает или откуда он родом,

бы за границу, чем в Лапландию или Уусимаа. Впрочем, жизненный опыт несколько повышает «региональную толерантность»: те, кому довелось пожить в разных районах, имеют более благоприятное мнение о различных районах страны.

Существуют четкие различия в этих предпочтениях даже внутри регионов. Анализ указывает на наличие здесь двух измерений: предпочтения различались по признаку *север – юг* и *сельская местность – большой город*. Выходцы с севера, как правило, предпочитают северные районы Финляндии, а выходцы с юга предпочитают южные районы. Но есть и группа с *широким взглядом*, которой все равно где жить, на севере или на юге. Противоположность любителям сельской местности составляют космополиты, которые предпочитают большие города. Между этими крайностями располагаются те, кто предпочитает небольшие города. Тем, кому нравится сельская местность, нравятся также небольшие города, и наоборот. Существует и группа *гибких* респондентов, которым нравится все: большие города, сельская местность и небольшие города. На рис. 2 представлено распределение по типам региональных предпочтений среди профессиона-

лов, происходящих из Лапландии, Оулу и других районов северной Финляндии.
 Рис. 2. Категории региональных предпочтений по району происхождения.

большим космополитизмом, чем опытные профессионалы; напротив, они чуть чаще склонялись в пользу сельской местности. Однако это различие не было статистически значимым: см. рис. 3.

Региональные предпочтения не сильно различались среди недавних выпускников и опытных профессионалов. Недавние выпускники, которые были выходцами из Лапландии, не отличались

Привязанность к местности

Возрастная группа недавних выпускников, как

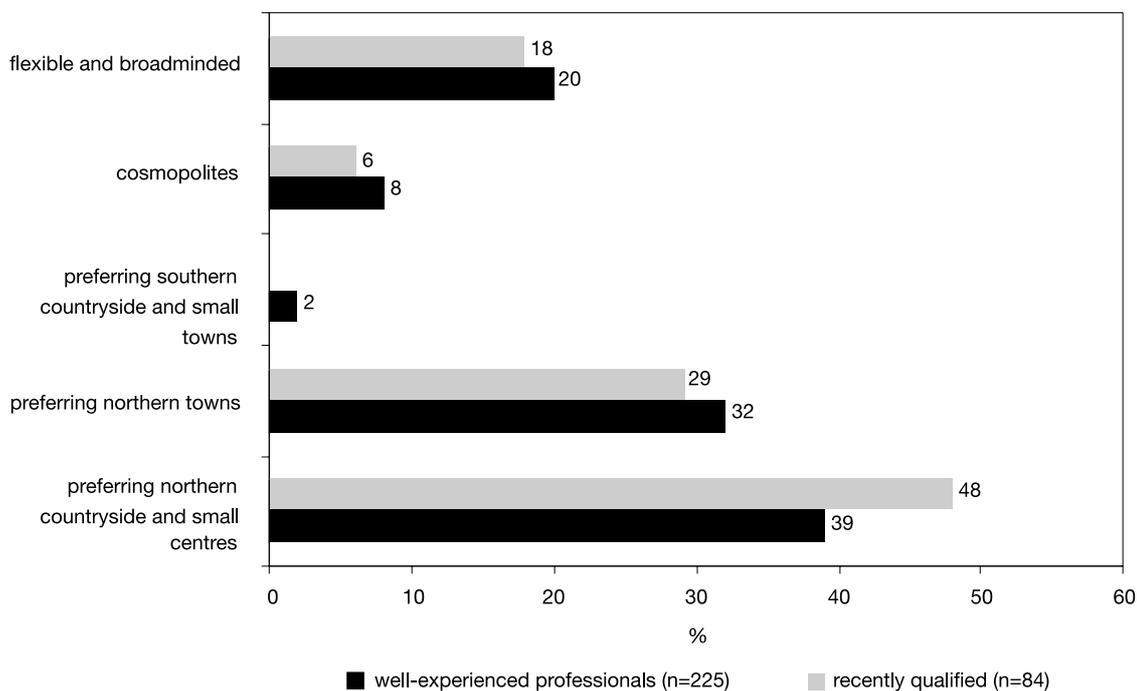

Рис. 3. Категории региональных предпочтений: опытные специалисты и недавние выпускники

правило, более мобильна. Период сразу после окончания университета характеризуется наибольшей региональной мобильностью. Тем не менее, в готовности к переезду наблюдаются четкие региональные различия. Те, кто живет в центральном районе, наименее склонны к переезду; у них нет столь сильно выраженной потребности в переезде, связанной с работой, как у людей из других районов. Район Оулу также располагает к стабильности. Мобильность из районов Лапландии и восточной Финляндии достаточно велика. Недавние выпускники в Лапландии предпочитают переехать в район Оулу, в то время как аналогичная группа из восточной Финляндии чаще склоняются в пользу столичного региона. В этом проявляется определенная внутренняя сплоченность северной Финляндии.

Степень региональной привязанности сильно различается как между регионами, так и внутри них. Анализ выявил четкую типологию, характеризующую эти различия в целом. Трех основным категориям свойственны характеристики: крепкая привязанность и удовлетворенность, удовлетворенность с рассмотрением других региональных вариантов, поиск региональных вариантов без

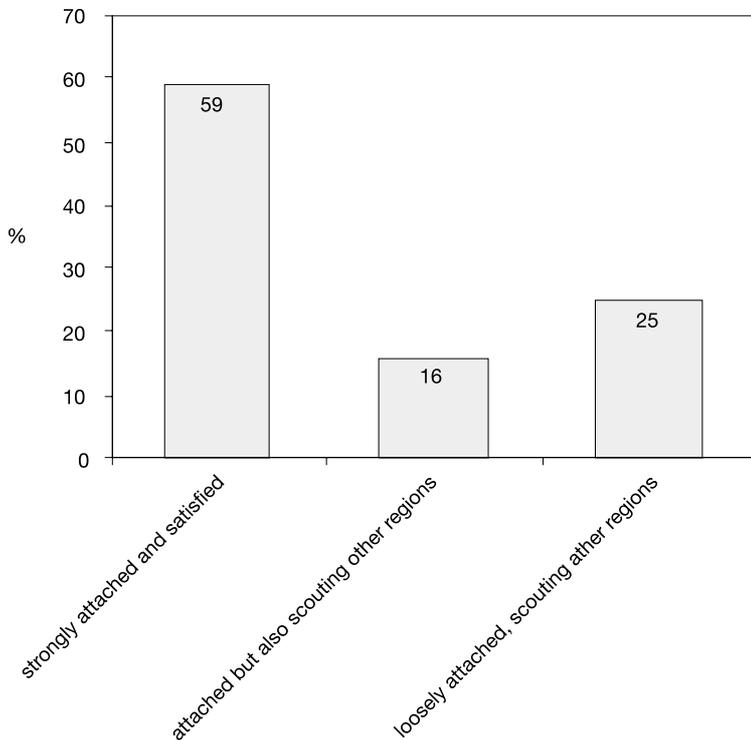

Рис. 4. Региональные привязанности недавних выпускников в Лапландии (n=245).

определенной в настоящее время привязанности. Первая категория включает в себя большую часть образованных людей (см. рис. 4 по Лапландии). Большинству молодых специалистов свойственна привязанность к своему региону, однако в значительной части (особенно в центральных районах) эта привязанность основана преимущественно на наличии работы. Такая ситуация редка для Лапландии и восточной Финляндии, где возможности трудоустройства дают людям больше мотивации к отъезду, чем к тому, чтобы остаться. В столичном районе есть много молодых выпускников, чья единственная привязанность к региону основана на работе, и кто активно ищет возможности трудоустроиться в других местах.

Выпускники, имеющие сильную привязанность к региону и удовлетворенные условиями жизни, намного чаще других намерены (что выглядит вполне логично) остаться в регионе. Тем не менее, даже здесь наблюдаются различия между регионами: в Лапландии и восточной Финляндии представители этой группы чаще рассматривают другие региональные варианты, чем представители аналогичных групп в районе Оулу или южной Финляндии. Это, очевидно, отражает определенный реализм с точки зрения возможностей трудоустройства. Людей, имеющих привязанность к региону, чаще заботят вопросы семьи, и у них более определенно выражено желание иметь “место, которое можно назвать домом”, чем у представителей других категорий, в то время как люди с меньшей привязанностью относятся к карьерному типу. Тем не менее, почти половина людей из карьерной категории среди молодых выпускников, живущих в Лапландии, имеют сильную привязанность к региону и удовлетворенность условиями жизни.

Недавние выпускники в Лапландии разделяются на три основных категории с точки зрения планирования ближайших 5–10 лет. Чуть больше одной трети планирует остаться в Лапландии; каждый пятый предполагает переехать в район Оулу (лишь некоторые хотели бы переехать дальше, в южную Финляндию); одна треть на момент проведения опроса не имела четких планов.

Выводы

Результаты исследования дают основание для многих выводов. Подробно они представлены в основном отчете по проекту (Aho & Iola 2002). Следующие выводы важны для общего понимания вопросов региональной мобильности и оценки перспектив развития таких периферийных районов, как финская Лапландия.

- 1) Следует избегать широких обобщений при описании моделей мобильности среди образованных слоев населения. Для понимания моделей мобильности необходимо выделить различные категории среди этих групп населения с точки зрения жизненных ценностей, региональных предпочтений и привязанности к региону. Эти категории являются общими в том смысле, что они не привязаны к определенной возрастной группе, профессии или региону. Готовность к переезду, а также степень и мотивация к мобильности различаются между этими категориями. Знание этих категорий помогает в формулировании политики и выборе целевых групп для такой политики.
- 2) Привязанность к региону важна для большинства образованного населения. Эта привязанность имеет разные формы, в большинстве случаев, основным фактором является длительность проживания в данной местности. Вероят-

ность того, что человек останется в регионе возрастает с увеличением периода проживания в данной местности; в случае с недавними выпускниками наличие супругов и детей также повышает вероятность того, что они останутся в регионе.

- 3) Мобильность квалифицированных специалистов наиболее велика в период сразу после окончания университета. При этом, однако, накопленный опыт переездов делает миграцию легче во многих случаях и повышает ее вероятность в будущем.
- 4) Существует значительное число образованных людей, не имеющих выраженной привязанности к региону. Эта группа представляет собой важный потенциал как для периферийных, так и для других регионов: интересные перспективы работы могут заинтересовать эту группу в любых регионах страны.

Литература

Работа основана на материалах исследования: Aho, Seppo & Iola, Heli (2002). Hyvien osajien aluepreferenssit ja liikkuvuus (Региональные предпочтения и мобильность образованных групп населения). Lapin yliopiston yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja. B 39.

Общее, параллельное и перпендикулярное видение: партнерство Север-Юг в экологических исследованиях и образовании Канады

Роберт С. Бейли

Как исследователь-эколог и преподаватель со стажем я замечаю нарастающее сходство общественных взглядов на север и юг Канады применительно к моей деятельности в экологической науке и образовании. Университетские исследования и учебные курсы, особенно в области экологии, общество все более определенно относит к сфере услуг. Экологи «решают» экологические «проблемы», что служит основанием для поддержки обществом их научной деятельности, хотя и в скромных масштабах. На выпускных курсах студенты университетов «обучаются» своей «работе», и в подготовке квалифицированных специалистов современное канадское общество видит ключевую роль университетов. Основные канадские агентства-грантодатели, NSERC и SSHRC, считают себя «инвесторами» в науку и образование от лица всех канадцев, а инвесторы любят получать соразмерную прибыль. Формы взаимодействия науки и образования, копирующие действующие в бизнесе схемы, включая прямое сотрудничество промышленности, администрации и науки, приветствуются и вознаграждаются. В обстановке роста ответственности и прикладного характера исследований и образования, называемой иногда «корпоратизацией» науки, очевидна растущая потребность в развитии и поддержке науки и образования на Севере Канады. Ниже я хотел бы проследить, как развивается экологическое североведение Канады в этом новом для науки контексте.

Хотя моя характеристика текущего состояния канадской науки в целом и экологической науки

в частности может содержать некоторые элементы критики, в своих комментариях я намерен показать, что существующая модель научных исследований на Севере Канады, включающая обратную связь с общественностью посредством практики лицензирования, правил исследовательской этики и беспрепятственной коммуникации с учеными, представляется полезной парадигмой для всех экологических исследований – как на севере, так и на юге. Значение и перспективы экологических исследований и образования на севере Канады, обозначившиеся в связи с изменением климата, регулированием земельных споров и созданием самоуправления коренных народов, инновациями в экономическом развитии, перераспределением полномочий от федеральных к территориальным властям, несколько возросшим уровнем государственной поддержки северных исследований, расширением возможностей образования для жителей Севера, означают, что мы переживаем возрождение северной экологической науки после десятилетий ограничения ее поддержки и спада к ней интереса (Bocking 1996; Hutchinson 2000).

Научные исследования и образовательный процесс в Канадских университетах существенно изменились за два последних десятилетия. Исследования, продиктованные «любопытством», уступили место, по крайней мере внешне, исследованиям с более четкими целями и ощутимыми общественными результатами, часто предполагающим междисциплинарное сотрудничество многих ученых. Хотя такая эволюция не обошлась без некоторого сопротивления, ученые многих

Канадских университетов признают сегодня определенную степень ответственности перед обществом за проведение «значимых исследований». Крупный и средний масштабы партнерства и сотрудничества с использованием таких средств, как «Кафедры индустриальных исследований», «Стратегические гранты», «Центры мастерства», были использованы федеральным правительством для продвижения академической науки по весьма действенным и продуктивным направлениям развития. Одновременно студенты университетов все более заинтересованы в приобретении умений, которые понадобятся им в конкретной работе. Они часто задают вопросы: «Следует ли вместе с получением степени бакалавра наук пройти обучение в техническом колледже для повышения профессионализма?», «Что дает магистерская степень в плане трудоустройства или зарплаты?», «Чем магистерская диссертация лучше иных проектов для подготовки к работе?», «Насколько обеспечивает профессионализм докторская степень по сравнению с магистерской?» Многие студенты, возможно, не без влияния своих родителей, чей опыт сложился в период, когда карьера длиною в жизнь была ожиданием, а регулярные тяжелые спады действительностью, более чем когда-либо заинтересованы в том, чтобы на выпускных университетских курсах подготовиться к реальной работе.

Ни в одной сфере науки и образования эта ситуация не выглядит столь очевидной, как в экологии, которую по определению считают прикладной и междисциплинарной отраслью. Если видеть в ней важную для человека науку об окружающей среде (т.е. прикладное знание), легко понять, насколько она оказалась включена в очерченный ход эволюции канадской науки. Действительно, многие из моих коллег отмечают, что *междисциплинарность* экологии, обусловленная сложной системой сотрудничества или широтой научных взглядов отдельных исследователей, составляет неотъемлемое свойство дисциплины, связанной с насущными человеческими заботами. Типичный университетский текст по экологии (например, Cunningham et al. 2000) показывает, что эта дисциплина определяется прикладным характером знаний к интересам людям (по многим причинам), и ее вопросы рассматриваются с позиций социальных, физических и других наук о жизни. За этими прикладными аспектами, однако, скрыт иной характер экологии – как бедной кухни «чистой науки», и это характер может вызывать колеба-

ния от техноцентризма до природоцентризма, в зависимости от предпочтений исследователя. На самом деле, характер проводимого исследования и предлагаемых решений соответствуют тому, чему посвящена карьера ученого и всегда несет на себе отпечаток его персональных склонностей, осознанных или неосознанных. Нелегкая доля экологов в контактах с обществами, в которых и для которых они работают, напоминает непростые отношения между физикой и развитием атомного вооружения в середине 20 века. Физики, подобные Эйнштейну, не имели особых моральных или этических полномочий по использованию этого оружия просто потому, что они имели талант работать его.

Когда эколог едет на Канадский Север, он руководствуется установкой решать проблему и действовать как эксперт или даже адвокат. Экология Севера находится в критическом положении. Учитывая, что на Севере климатические изменения по объему и характеру воздействия на экологию резко отличаются от ситуации на юге (Stone et al. 2002; Callaghan et al. 2002; Moritz et al. 2002; Sturm et al. 2001), нам чрезвычайно важно иметь эскиз будущей физической, биологической и социальной (Berkes and Jolly 2002) среды Севера в соответствии с принимаемыми обществом решениями. В ряде случаев по установленным нормам землепользования на Севере Канады многие коренные народы интегрированы и имущественно заинтересованы в проводимых на их землях экологических исследованиях. Вместе с тем, последствия освоения этих территорий, с учетом или помимо интересов коренных народов, ставит перед экологами другие вопросы, в частности о последствиях того или иного курса деятельности. Кроме того, на Севере Канады происходит передача ответственности за экологические вопросы от федерального уровня власти к местному. В ходе этого перехода обнаружились серьезные пробелы в экологической информации и планировании на местах.

Недавно в ответе группе специалистов, созданной основными агентствами-грантодателями по естественным и социальным наукам (Hutchinson 2000), федеральное правительство Канады в какой-то мере признало рост значения исследований на севере Канады, создав наши кафедры северных исследований и расширив возможности для северных студентов получать навыки научной работы на студенческом и аспирантском уровнях, обеспечив в будущем критическую массу северных ученых,

заинтересованных в развитии науки Севера. Есть надежда, что эти стимулы придадут импульс развитию северной науки и приведут к формированию северного сообщества исследователей, интегрирующего в своих взглядах и позициях научную и социальную культуру юга и севера.

Убежден, что мы приближаемся к возрождению науки и образования на севере Канады, в которых все более заметную роль будут играть сами северяне в качестве лидеров или, по крайней мере, участников. Хотя некоторые экологи выражают сожаление по поводу растущего значения прикладных и коллективных исследований, такая наука все же способна выдвигать серьезные гипотезы, которые могут быть проверены на практике, и это прекрасно вписывается в уже сформировавшийся исследовательский контекст у нас на Севере. Север ставит множество интересных научных вопросов, для ответа на которые университетским ученым вовсе не обязательно уподобляться наемным консультантам, а их студентам и аспирантам быть прославленными технологами в “консалтинговых фирмах”.

Исследования на севере Канады требуют участия в лицензионном процессе, не всегда используемом на юге

(Территория Юкон:

<http://www.yukonheritage.com/programs-scientific.htm>;

Северозападные Территории:

http://www.nwtresearch.com/default.cfm?res_obtain.cfm~mainFrame;

Нунавут:

http://pooka.nunanet.com/~research/Research_Forms.htm).

Все объекты лицензирования предполагают соответствующие консультации, в зависимости от характера исследований, с общиной или общинами, потенциально затрагиваемые исследованиями. Исследователи должны также быть последователями Этических принципов исследований на Севере, разработанных Ассоциацией канадских университетов по исследованиям Севера (http://www.cyberus.ca/~acuns/EN/n_res_02.html). Североканадский метод регулирования исследований посредством лицензирования и этических стандартов может быть принят в качестве замечательной модели исследований как на севере, так и на юге. Особенно он полезен для экологической науки на Канадском Севере, где традиционные знания, местные человеческие ресурсы и образо-

вательные возможности могут совместно создать творческую атмосферу для развития полезной обществу большой науки.

Я постарался показать, что в Канаде, помимо перспективы развития большой науки, есть ресурсы для проведения исследований – скромные, но растущие, а также замечательная структура регулирования науки посредством лицензирования и Этических принципов. Если эти достоинства северной науки помогут сократить риск превращения экологов в адвокатов частных северных перспектив, я с оптимизмом смотрю в будущее экологической науки на севере Канады.

Признательность

Я благодарен организаторам II Северного исследовательского форума в Новгороде, России, за возможность обменяться мнениями и обсудить северные исследования в стимулирующей атмосфере идей и дебатов. Моя признательность за участие в обсуждении представленных здесь вопросов относится к другим членам Правления и Совета Ассоциации университетов Канады по исследованиям Севера (ACUNS), факультету и студентам Программы экологических исследований университета Западного Онтарио. Вместе с тем, все изложенное здесь представляет мой персональный взгляд и не обязательно отражает официальные позиции ACUNS или Программы экологических исследований университета Западного Онтарио.

Литература

Berkes, F. and Jolly, D. 2002. “Adapting to Climate Change: Social-ecological Resilience in a Canadian Western Arctic Community.” *Conservation Ecology* 5: art-18.

Bocking, S. 1996. “Northern Science Undermined - Budgets Decline as Environmental Concerns Increase.” *Alternatives Journal* 22: 7-8.

Callaghan, T.V., Crawford, R.M.M., Eronen, M., Hofgaard, A., Payette, S., Rees, W.G., Skre, O., Sveinbjornsson, J., Vlassova, T.K., and Werkman, B.R. 2002. “The Dynamics of the Tundra-taiga Boundary: An Overview and Suggested Coordinated and Integrated Approach to Research.” *Ambio* 3-5.

Hutchinson, T. C. *From Crisis to Opportunity: Rebuilding*

Canada's Role in Northern Research. Final Report to NSERC and SSHRC from the Task Force on Northern Research. 2000. Government of Canada.

Moritz, R.E., Bitz, C.M., and Steig, E.J. 2002. "Dynamics of Recent Climate Change in the Arctic." *Science* 297: 1497-1502.

Stone, R.S., Dutton, E.G., Harris, J.M., and Longenecker, D. 2002. "Earlier Spring Snowmelt in Northern Alaska as an Indicator of Climate Change." *Journal of Geophysical Research-Atmospheres* 107: art-4089.

Sturm, M., Racine, C., and Tape, K. 2001. "Climate Change - Increasing Shrub Abundance in the Arctic." *Nature* 411: 546-547.

Cunningham, W.P., M.A. Cunningham, and B.W. Saigo. 2003. *Environmental Science: A Global Concern.* 7th edition. McGraw-Hill Higher Education.

Высшее образование и научная работа – пути международного сотрудничества

Ингвилль Брок

Доктор Ласси Хейнинен, председатель Координационного комитета Северного исследовательского форума, спрашивает во вступительном докладе: почему Россия, почему Новгород, почему вече? И отвечает на эти вопросы. Для меня на его вопросы есть некоторые совершенно очевидные ответы.

Что касается встречи в *России*: если в начале перестройки и гласности посещение России вызывало огромный интерес, то сейчас этот интерес спал. Однако приехать сюда важно именно сейчас, когда возможностей для сотрудничества стало на самом деле гораздо больше, а первые, несколько преувеличенные, ожидания взаимных выгод несколько поблекли. Подобные ожидания были у всех, в том числе россиян, надеявшихся на поддержку многих проектов, которые у иностранцев интереса не вызывали. Сегодня мы более реально смотрим на перспективы сотрудничества, в котором теперь больше сущностных оснований, а не поисков экономической поддержки.

Пользуясь случаем, хочу также выразить восхищение теми успехами, которых добились за последние годы в России не только сотрудники и студенты высшей школы, но и молодежь вообще, в знании иностранных языков. Чтобы общаться и работать вместе, нам нужен общий язык, и наши российские коллеги проделали в этом отношении большую работу.

Почему именно *Новгород*? Для скандинавов это не вопрос. Новгород был важным перевалочным пунктом для викингов на пути в Константинополь, и скандинавы сыграли существенную роль в создании первого новгородского государства. Мы больше узнаем об этом позднее на нашем вече. Итак, скандинавы снова в Новгороде. Один пример норманнского проекта: норвежско-российское сотрудничество по обучению экономике в тесной связи с промышленностью и практической работой при поддержке губернатора; эта плодотворная работа ведется примерно десять лет, а ее финансирование обеспечено еще на пять.

Почему *вече*? Это нечто характерное именно для Северного исследовательского форума, и об этом мне бы хотелось узнать побольше. Я знаю, что вече – это народный сход в древней Руси, когда люди собирались для совместного принятия решений. Поэтому, как мне представляется, назвать эту конференцию «вече» – значит подчеркнуть возможность для заинтересованной общественности принять участие в некоторых из запланированных дискуссий и возможность для студентов и других жителей Новгорода активно поучаствовать в нашей программе.

Интернационализация университетов

Высшее образование и научно-исследовательская

работа по своей природе интернациональны. В моем университете, Университете Тромсё на севере Норвегии, 10% студентов приезжает из-за рубежа и 20% преподавателей – иностранцы. И я не думаю, что в этом мы сильно отличаемся от многих других европейских и американских университетов. В России дело, возможно, всё еще обстоит не так, но сто лет назад и российские университеты были по-настоящему интернациональны.

Моя родина – небольшая страна, ставшая независимой лишь сотню лет назад, поэтому международное сотрудничество может дать нам многое. Норвежцы учились за границей. Многие норвежские ученые работали за границей. После второй мировой войны в международных связях вузов и научных учреждений долгое время доминировали Соединенные Штаты. В последние десятилетия большое внимание уделялось Европе, в особенности странам ЕС. Это и понятно: хотя Норвегия не входит в ЕС, мы платим взносы в рамочные программы и, естественно, хотим, чтобы эти вклады окупались. Следовательно, этому уделяется большое внимание, а ERA – Европейская исследовательская зона – является средоточием многих сегодняшних научных дебатов в Европе.

Нордическая исследовательская зона

У стран Севера давно уже сложилась их собственная Нордическая исследовательская зона. Существует давняя традиция их сотрудничества через Совет министров Нордических стран, куда сейчас по многим программам включены три страны Балтии и Северо-Западная Россия. Совет министров Нордических стран финансирует NorFA (Северную академию исследований), проекты которой охватывают балтийские страны и Северо-Западную Россию, обеспечивает приглашение преподавателей, курсы и работу аспирантов и т.п. Также Советом финансируется NORDPLUS – хорошо зарекомендовавшая себя программа обмена студентами стран Севера. В Баренц-регионе работает подобная программа Barentsplus для студентов университетов Евро-Арктического Баренц-региона. (Я заметил, что понятие Евро-Арктического Баренц-региона, которое у нас используется повседневно, в докладах на этой конференции встречается редко. Баренц-регион включает крайние северные районы Норвегии, Финляндии, Швеции и России. Это название появилось в 1992 г. как следствие перестройки и глас-

ности). Программа Barentsplus более популярна у российских студентов, чем у скандинавских, так что здесь надо поработать – подготовить интересные курсы, которые привлекут больше иностранных студентов к российским программам.

В 1995 г. Конференция ректоров Нордических стран создала Ассоциацию Нордических университетов для обмена опытом политики в области высшего образования, развития сотрудничества Североевропейских стран и координации их усилий на международном уровне. Ассоциация Нордических университетов положила начало сотрудничеству с конференциями ректоров стран Балтии в Нордик-Балтийском пространстве высшего образования. Это хороший форум для выработки общих идей и знакомства с системами друг друга.

Болонский процесс

Норвегия стоит на пороге введения новой системы высшего образования. Эта система хорошо согласуется с Болонской декларацией, принятой ЕС и другими европейскими странами в 1999 г. Ее конечная цель – сблизить системы образования настолько, чтобы студенты могли переходить из одного заведения в другое, у себя в стране или за рубежом, без каких-либо затруднений. Этот процесс направлен на взаимное признание, а не единообразие; его суть – сближение, а не одинаковость. В настоящее время (март 2003 г.) участниками Болонского процесса являются 33 страны. Если Россия когда-либо примет решение вступить в этот процесс, сотрудничать в области высшего образования станет намного легче. Многие образовательные проекты в России уже стремятся к соответствию болонским стандартам, которые, в свою очередь, более совместимы со стандартами США, чем прежние европейские системы.

Магистерские и PhD-программы на английском языке

Все норвежские университеты и некоторые университетские колледжи предлагают студентам из-за рубежа специальные магистерские программы с обучением на английском языке. Новая реформа поощряет участие учебных заведений в международных программах и соглашениях об обмене. Вскоре появится больше магистерских и PhD-про-

грамм с обучением на английском языке. В 2003 г. в Норвегии были открыты первые 13 исследовательских центров повышения мастерства, финансируемые Советом научных исследований Норвегии и учредителями центров. Объявления о должностях и грантах распространены на международном уровне, рабочий язык – английский.

Региональные обязательства

Есть один доклад, который мне особенно близок. Это доклад доктора Бейли. Он пишет:

«Исследования, продиктованные «любопытством», уступили место, по крайней мере внешне, исследованиям с более четкими целями и ощутимыми общественными результатами, часто предполагающим междисциплинарное сотрудничество многих ученых. Хотя такая эволюция не обошлась без некоторого сопротивления, ученые многих Канадских университетов признают сегодня определенную степень ответственности перед обществом за проведение «значимых исследований».

Университет Тромсё был основан 30 лет назад с целью обеспечить сохранение численности населения в Северной Норвегии. Предполагалось, что люди, получившие образование на Севере, с большей вероятностью останутся в Северной Норвегии после завершения обучения. В регионе не хватало врачей и других специалистов, но основное внимание было сосредоточено на врачах. Сегодня мы можем сказать, что этот план удался. В Северной Норвегии работают не только квалифицированные врачи (в некоторых отдаленных районах их всё еще не хватает), но и учителя, администраторы, фармацевты и т. д.

Университет Тромсё уникален среди норвежских университетов еще и потому, что его сотрудники заняты тем, что происходит именно в этом районе страны. Д-р Бейли особо останавливается на экологическом образовании и исследованиях; очень важно, однако, то, что он говорит про значимость высших учебных заведений для своего района и его населения, про ответственность вузов перед ним, про участие преподавателей и студентов в обсуждении процессов развития региона. В Северной Норвегии, как вы, возможно, знаете, мы начинаем поиски нефти вблизи богатых рыбных угодий; ведутся споры о квотах улова, размерах судов и т. п. В нашем университете имеется

Рыбопромышленный колледж. Журналисты, при поддержке общественности, призывали преподавателей колледжа высказать мнения о последствиях различных режимов ловли рыбы. Преподаватели заслужили резкую критику за то, что они либо не хотят делиться знаниями, либо не обладают ими в достаточной мере и не стремятся к изучению и поиску приемлемых решений по этим проблемам. Один из региональных вопросов, выходящий за региональные рамки, касается положения коренных жителей Севера. Задача Саамского центра Университета Тромсё – участие в расширяющихся исследованиях и просветительской деятельности по вопросам коренного населения и национальных меньшинств вообще и саамов в частности. Эта работа включает широкую сеть сотрудничества как национального, так и международного масштабов.

Перспективы сотрудничества

Я считаю, существующие опыт и сети сотрудничества следует использовать более широко и активно. Это включает в себя не только упоминавшиеся сети Баренц-региона, но и другие сети и программы сотрудничества, например нордические и рамочные программы ЕС. Предпочтительнее использовать уже имеющиеся схемы и подключать к ним новых участников, а не создавать с нуля новые. Возможностей много, хотя бывает нелегко найти нужную информацию.

В университетах большинства стран заметна тенденция роста международной мобильности. Одна из задач реформы высшего образования в Норвегии – дать возможность каждому студенту проучиться семестр за рубежом; при этом университет обязан помочь студенту в корректировке учебных планов. Обмен студентами и их успехи подвигнут преподавателей ближе познакомиться друг с другом, по крайней мере, по научным работам.

На мой взгляд, сотрудничество обещает быть особенно плодотворным, если его организовать в виде соглашений между учреждениями, а не просто личных связей. Впрочем, личные связи – хороший отправной пункт для более формализованной кооперации. Рамочные программы ЕС базируются на многостороннем сотрудничестве, и ЕС, безусловно, добился успеха в этом направлении. По моему опыту, часто бывает легче и быстрее начать с дву-

стороннего сотрудничества. Это, однако, зависит от возможностей финансирования.

Есть важные и интересные вопросы относительно ситуации на Европейском Севере и Севере в

целом, ответы на которые мы будем искать вместе. Работая в многонациональных коллективах, мы затратим время на проблемные и интересные занятия и получим более весомые результаты.

Телемониторинг в решении вопросов охраны здоровья на Крайнем Севере с использованием мобильных комплексов

Анатолий А. Буганов

Внедрение компьютерных технологий в исследовательскую и клиническую практику привело к возникновению нового направления в медицине – телемедицины, в которой интегрируются новейшие достижения различных областей информатики, связи, радиоэлектроники, приборостроения и др.

Основной целью телемедицины является использование этих достижений для обеспечения высокого качества оказания медицинской помощи населению и максимального приближения ее к человеку. Благодаря телемедицине, помощь высококвалифицированных врачей становится доступной жителям, как городов, так и отдаленных сельских районов. Особенно это актуально для труднодоступных районов, где слабо развита сеть медицинских учреждений.

Телемедицина, обладая высоким социальным и экономическим потенциалом, способна оказать позитивное влияние на клинические, научные, образовательные и управленческие аспекты деятельности системы здравоохранения: она ликвидирует информационную изолированность врачей сельских и поселковых больниц и создает качественно новые возможности для их общения с коллегами из крупных медицинских центров. Телемедицина может особенно значительно повлиять на качество медицинской помощи в малонаселенных и отдаленных районах Крайнего Севера.

Известно, что Север занимает 64% площади

Российской Федерации. Еще несколько десятилетий назад в этих местах преобладали дикие, нетронутые ландшафты, но Север сделал резкий скачок в своем социальном и экономическом развитии. Появились промышленные комплексы, благоустроенные города и крупные рабочие поселки. Однако зоны нового промышленного освоения отличаются жесткими климатическими условиями. Учитывая малонаселенность этих территорий, большая часть отраслей на Крайнем Севере развивается при дефиците рабочей силы, что формирует присутствие значительной проточной популяции. Вполне очевидно, что в этих условиях освоение Крайнего Севера приносит не только впечатляющие результаты, но и множество неразрешенных проблем.

Исследованиями ряда авторов (В. И. Хаснулин; А. А. Буганов; В. А. Лобова; Е. Н. Леханова; Л. В. Саламатина) показано, что пребывание человека на Крайнем Севере характеризуется не только повышенным уровнем заболеваемости, но и значительной ее хронизацией, нарастанием психологической и социальной неустойчивости. Это предопределяет разработку новых подходов к вопросу охраны здоровья северян.

Одним из ключевых моментов в создании эффективной инфраструктуры здравоохранения на Крайнем Севере должна стать его информатизация, т.е. создание единого информационного пространства для всех заинтересованных сторон: пациента, врача, медицинского учреждения, органа управления здравоохранением.

Следует подчеркнуть, что последнее десятилетие стало периодом внедрения новых информационных технологий в здравоохранение. Прежде всего, это обусловлено прогрессом в области компьютерной техники, программного обеспечения, достижениями в развитии средств телекоммуникаций, локальных и глобальных информационных сетей, внедрением Интернет-технологий в различные сферы деятельности. Другим фактором, способствующим развитию телемедицины, является опыт использования вычислительной техники и программных продуктов в различных службах здравоохранения, где они находят применение как в лечебно-диагностическом процессе, так и в управлении медицинскими учреждениями.

Одним из принципиальных вопросов, стоящих перед телемедициной, является формирование ее концепции и стратегии на региональном уровне. Исходя из структуры телекоммуникационных сетей, лежащих в основе любой телемедицинской программы, представляется бесспорным генеральное направление на объединение имеющихся ресурсов в создании единого телеметрического пространства.

Применительно к медицинским задачам решаемым в Ямало-Ненецком АО речь идет об организации единой консультативной службы, имеющей в качестве технологической основы разветвленную информационную сеть. Эту сеть можно представить в виде нескольких уровней.

Первый уровень регионального центра должен включать телемедицинский центр, который может быть сосредоточен в одном учреждении и быть распределительным. Он должен стать основным научно-исследовательским, учебным, методическим и координационным звеном, определяющим стратегию и политику телемедицины в автономном округе, включая ее организационные, правовые, технологические и кадровые аспекты. Этот уровень обеспечивает консультативную помощь пациентам и обучение врачей.

Второй уровень центра организуется на базе ведущего многопрофильного медицинского учреждения. Основные функции этого центра – оказание консультативной медицинской помощи населению региона по территориальному принципу.

Третий уровень – муниципальный, который включает в себя телемедицинский кабинет, создаваем

ый на базе центральной районной (городской) больницы (ЦРБ, МУЗ ЦРБ) и в основном обеспечивает подготовку консультации больных на более высоких уровнях.

В перспективе к районному (городскому) кабинету (центру) могут присоединяться медицинские учреждения участкового звена: больницы, поликлиники, амбулатории, фельдшерские пункты, мобильные медицинские подразделения (бригады скорой медицинской помощи).

Создание единой региональной телеметрической структуры позволит:

- экономно и рационально использовать выделяемые из бюджета средства за счет отсутствия дублирования затрат;
- проводить единую политику в области высоких технологий и стандартов, решать нормативно-правовые вопросы, готовить новые кадры, развивать образовательное направление телемедицины;
- использовать клинический и научный потенциал клиник Научно-исследовательских институтов для повышения качества квалифицированной и специализированной медицинской помощи населению.

Кроме этого, региональная телемедицинская структура позволит:

- сформировать банк данных о пациентах;
- разработать (с учетом региональных особенностей) и тиражировать стандартные схемы лечения больных;
- формировать мини-медицинскую библиотеку (сосредоточение методических писем, рекомендаций, научных обзоров, алгоритмов лечения и др.).

Телемедицинские технологии могут быть использованы не только в целях диагностики и медицинского консультирования пациентов, последипломного образования, повышения квалификации врачей и медицинских сестер, а также для обмена официальной информацией управленческого характера между органами и учреждениями здравоохранения. Кроме того, в перспективе телеметрические технологии позволят не только делать выводы о тенденции в состоянии здоровья населения округа, но и планировать потребность медикаментов или привлечение иных медицинских ресурсов.

Одной из форм телемедицинских технологий может явиться внедрение телемедицинских кон-

сультаций, которые могут быть представлены в нескольких видах:

Отсроченная консультация (асинхронная, off line), при которой данные о пациенте (текстовые, графические, фото-, аудио- и видеоматериалы) заранее подготавливаются в виде электронных файлов различных форматов и пересылаются по электронной почте на сервер консультативного центра. Заключение консультанта высылается обычно по электронной почте с определенным временным интервалом, необходимым для ознакомления с присланными материалами и подготовки текстового заключения. Преимуществом отсроченных консультаций являются относительно небольшая их стоимость и техническая доступность для широкой сети медицинских учреждений.

Общим алгоритмом подготовки отсроченной телеконсультации являются:

1. принятие решения о ее проведении с четкой формулировкой цели и вопросов к консультанту, согласование возможности консультации с соответствующим центром;
2. обследование больного в объеме, соответствующему стандарту при имеющейся или предполагаемой патологии в пределах доступного в медицинском учреждении;
3. подготовка выписки из истории болезни или другого медицинского документа (по форме согласованной с консультантом);
4. выбор необходимых для консультации визуальных материалов, имеющих реальную ценность для поиска ответов на поставленные вопросы;
5. ввод изображений в компьютер при помощи видеокамеры, сканера, цифрового фотоаппарата, проверка их качества;
6. формирование электронной истории болезни, присвоение идентификационных номеров посылаемому пакету материалов,
7. отправление материалов по электронной почте, либо размещение их на сервере.

По данным ряда авторов (И. А. Камаев и др.), в 60-80% клинических случаев асинхронный режим достаточен для оказания квалифицированной телеконсультации.

Синхронная консультация (видеоконференция, on line), при которой происходит обмен данными при помощи средств видеоконференцсвязи в режиме реального времени. Обсуждение клинического случая включает голосовую (аудио) инфор-

мацию, обмен данными визуальных приложений (при помощи так называемой «электронной белой доски» можно вывести на экраны всех включенных в видеоконференцию компьютеры и те же изображения при помощи электронных курсоров конкретизировать в отношении интересующих элементов). Достоинством on line-консультаций являются их оперативность, возможность получить дополнительную информацию в диалоговом режиме общения.

Однако следует подчеркнуть, что видеоконференции требуют более дорогого оборудования, специальных средств телекоммуникаций, предварительных организационных мероприятий, что предъявляет повышенные требования к персоналу центров; ее проведение дороже и за счет эксплуатации высокоскоростных каналов связи.

В настоящее время появилась возможность проведения конференций не только между двумя участниками, но и между несколькими центрами, обмена мнениями по обсуждаемому вопросу и использования полученных результатов для повышения квалификации врачей. Современные мультимедийные проекторы позволяют проецировать изображение с экрана компьютера на любой стационарный или переносной экран, что делает доступным участие в конференции большой аудитории.

Следует подчеркнуть, что проведение медицинских видеоконференций является стратегически важной задачей практического здравоохранения. Ее решение «приблизит» высококачественную медицинскую диагностику к отдаленным районам, обеспечит новый уровень взаимодействия работников здравоохранения с Научно-исследовательским институтом медицинских проблем Крайнего Севера РАМН, расположенным на территории округа и другими диагностическими центрами, что повысит эффективность использования дорогостоящей медицинской аппаратуры. Кроме того, это поднимет уровень квалификации врачей и ускорит формирование научной школы в регионе.

Комбинированная консультация предполагает предварительную пересылку текстовой и аудиовизуальной информации о больном (электронная история болезни) для ознакомления консультанта в режиме видеоконференции. Считается, что данный вариант оптимален по информативности.

Подчеркивая актуальность внедрения современных компьютерных технологий для практической медицины Ямало-Ненецкого АО следует сказать, что эта стратегия имеет свои особенности. Это связано не только с климато-географическими и демографическими особенностями Ямало-Ненецкого АО, но и со слабо развитой транспортной схемой внутри округа. Если учесть то, что пятая часть населения проживает в сельских районах, то очевидно, что для приближения высококвалифицированной медицинской помощи жителям села необходимы иные подходы чем те, которыми располагает здравоохранение округа сегодня.

Одним из перспективных подходов в решении этой задачи, по нашему мнению, может стать формирование мобильных (самоходных) медицинских комплексов на гусеничном ходу. Эти мобильные комплексы должны быть полностью автономны, иметь значительный запас хода, проходимость по бездорожью, оснащенность современным навигационным оборудованием и системой связи, в том числе спутниковой. Они должны располагать необходимым набором бытовых удобств, позволяющих не только транспортировать медицинских работников к поселкам или отдельным жилищам в тундре, но и для временного проживания в них.

Главной целью создания мобильных медицинских комплексов должен явиться максимальный охват современной медицинской помощью сельских жителей и популяционная оценка их состояния здоровья. При этом стратегия риска должна быть стратифицирована по степеням. Целесообразно внедрение 2-х типов мобильных медицинских комплексов: диагностического и лечебного.

Целью диагностического мобильного медицинского комплекса является максимальный охват первичной медицинской помощью жителей конкретной территории (района) и стратификационная оценка обследованных по категориям здоровья.

Целью лечебного мобильного медицинского комплекса является проведение полного цикла

лечебных мероприятий непосредственно по месту жительства больного (включая тундру). Этот комплекс должен включать в себя портативное медицинское оборудование различного назначения.

Стратификация обследованного населения позволит сформировать ближайшую и отдаленную стратегию в отношении здоровья населения на конкретной территории (районе) и планировать не только проведение лечебных, но и профилактических мероприятий. Располагая полученными данными, можно прогнозировать объем работ «малых мобильных медицинских госпиталей» по отдельным территориям (районам) округа. При этом возможны различные варианты этих госпиталей, в том числе и специализированные.

Развертывание этой работы позволит сформировать банк данных о естественном течении состояния здоровья у жителей округа по полу, возрасту, длительности проживания на Севере. В таком подходе оценки здоровья проявится гармонизация деятельности ученых-медиков, математиков, специалистов по электронной технике, космической связи и др.

В заключении следует сказать, что все высказанные выше положения имеет под собой реальную основу для широкого внедрения в здравоохранение автономного округа. Сегодня Ямало-Ненецкий АО располагает Научно-исследовательским институтом медицинских проблем Крайнего Севера РАМН с клиникой, оснащенной современным медицинским оборудованием. Имеются современные научные технологии, накоплен значительный банк данных по результатам эпидемиологических исследований в отношении хронических неинфекционных заболеваний. Ученые Института включились в разработку телемониторинга для внедрения его в практическое здравоохранение на изложенных выше принципах. Мы уверены в том, что для Крайнего Севера с его малонаселенностью и обширностью территорий нужны современные мобильные оснащенные медицинские комплексы, которые позволят поэтапно охватить все население автономного округа медико-консультативной и профилактической помощью.

Эволюция общин коренного населения и концепция «жизнеспособности» в их развитии: опыт народов Аляски

Эстер М. Коумбз

Первые свидетельства о коренных жителях Аляски оставил путешественник Витус Беринг, который побывал на Аляске в середине 1700-х гг. Он отмечал, что у индейцев-атабасков были общественные группы, включавшие родителей, их потомков, супругов и иждивенцев. Из этих групп образовались роды, которые были связаны сетью взаимных обязательств, игравших важную роль в брачных отношениях, поглаче, похоронах и войне. В некоторых группах были руководящие советы, которые принимали решения «о начале войны или выплате выкупа за военнопленных... или выбирали вождя». (Simeone)

Первые формализованные организации коренных жителей

Первой организацией западного образца, «образованной туземцами Аляски, было русско-православное братство, созданное русскими креолами в Ситке в 1878 г.». (Кап 1985, цит. по: Pullar 1997: 52). В 1912 г. была сформирована первая туземная организация Аляски — Братство туземцев Аляски (ANB). По словам Арнольда, «наряду с отстаиванием прав на гражданство США, Братство занималось ещё двумя сопутствующими вопросами: образованием и отказом от исконных обычаев, которые рассматривались белыми как „некультурные“». Таковы были изначальные цели Братства; позднее оно стало и до сих пор остается старейшей организацией коренных жителей Аляски в масштабе штата, которая поддерживает культурные традиции и верования всех коренных жителей.

С обострением политических вопросов, затрагивающих коренных жителей Аляски, активизировалась деятельность их руководства по защите принадлежащих коренным народам земель и ресурсов. В середине 1960-х гг. уже функционировало двенадцать региональных организаций, основной целью которых было отстаивание претензий коренных жителей Аляски на свою исконную землю. В то же время руководство автохтонов Аляски создало единый фронт и организацию в масштабах всего штата, пусть и по западной модели, которая стала заметной политической силой перед лицом ее противников.

Вторжения на племенные земли со стороны федеральных властей, штата и частных лиц еще случались, но реже, так как туземные объединения и племена получили защиту по законам о нарушении прав владения. Государственные структуры и частные фирмы стали «проявлять интерес к системам туземного знания... чтобы сделать их основой для построения более устойчивых стратегий развития». (Wright)

Сила организаций коренного населения состоит в том, «что системы туземного знания содержат механизмы, обеспечивающие относительно равноправный доступ к ресурсам». (Niamir, цит. по: Wright). В некоторых культурных традициях коренных американцев заложен стиль совместного управления. Отт отмечает, что «в языке навахо нет слов со значением “вышестоящий”, “подчиненный”, “начальник”, “иерархия”... отсутствие слов “начальник” и “подчиненный” отражает представ-

ление навахо о том, что личность есть личность». Встраивание традиционных ценностей коренных народов в традиционные для Запада социальные структуры явилось трудной задачей.

От западных образцов к институционализированным традиционным ценностям в развитии общин

При рассмотрении эволюции общинной организации в культурном и ритуально-религиозном контексте нельзя обойти вниманием старую систему образования. Ее воздействие сказалось на нескольких поколениях коренных жителей Аляски и вызвало крайние дисфункции в туземных семьях и общинах.

После того как в 1867 г. Аляска была куплена у России, западное образование давалось коренным жителям преимущественно в протестантских и католических миссионерских школах. Задачами этих школ была «христианизация» и «цивилизация» учеников-туземцев, о чем упоминается в отчете созданной Конгрессом США Комиссии по коренному населению Аляски 1994 г.

Государственные школы были ориентированы на обучение главным образом коренных жителей Аляски, поскольку некоренных детей было мало. С притоком переселенцев, вызванным клондайкской золотой лихорадкой 1898 г., школьная система, акцентирующая внимание на туземных учениках, стала вызывать всё больше недовольства. В 1904 г. Конгресс США принял сомнительно взвешенный «Закон Нельсона», по которому округу Аляска предписывалось принять на себя ответственность за образование «белых и цветных детей и детей смешанной крови, живущих цивилизованной жизнью» (отчет комиссии). Но федеральное правительство по-прежнему поощряло политику сегрегации; оно предписывало министру внутренних дел продолжать контроль над школами для детей коренных жителей Аляски.

Позднее, в 1947 г., федеральные власти открыли среднюю школу-интернат для туземцев в Ситке (Аляска). В 1960-е гг. школы были переданы штату, и учащиеся средних школ переезжали из поселков в город, где они учились и жили, в основном в некоренных семьях. Многие не захотели возвра-

щаться в свои селения, некоторые оказались жертвами алкоголизма или наркомании, нередким явлением стали самоубийства. Так продолжалось лет десять, пока, после одного судебного разбирательства, штату не было предписано строить средние школы во всех поселках, где есть начальные школы.

И всё-таки школьная обстановка и программа отрицательно сказывались на учениках из числа коренных жителей: их учили приезжие учителя, языком обучения оставался английский, и вся учебная наглядность была из другого, чуждого детям мира. Можно сказать, что наши коренные дети были успешно ассимилированы в доминирующую белую культуру, утратив традиционные языковые и культурные знания. Сегодня племенами и организациями коренного населения Аляски прилагаются усилия по изменению направленности образования коренной молодежи в наших школах. Например, на работу принимаются учителя культурного наследия Аляски, открыты классы языкового погружения в Юпиак для детей юго-запада Аляски, при средних школах созданы молодежные клубы, организующие культурную и общественную деятельность учащихся-туземцев.

Сегодня коренное население Аляски идет по пути переоценки нашей истории в соответствии с заветами наших старейшин, согласно передаваемым из поколения в поколение сказаниям и обычаям. Как в «Методологиях деколонизации» выразительно пишет Линда Тухивай Смит, маори из Новой Зеландии, «... история – это вопрос власти... для преобразования наших колонизированных взглядов нам нужно вернуться к нашей истории, каждой ее странице, вслушаться в ее повествование о прошлом, исправляющее наше прошлое и свидетельствующее о несправедливостях прошлого».

Несколько лет назад я участвовала в организации конференции старейшин в Анкоридже. Мы общались со многими из них, местными и приезжими из других районов штата. Целью конференции был распрос старейшин об их детстве, учебе, культуре, жизни в семье и т.д. В первый же день проявилось крайнее недовольство католической церковью, которая на рубеже XIX—XX вв. содержала миссионерские школы и сиротские приюты в штате. Большинство старейшин на себе испытали запрет говорить на родном языке или придерживаться своей культуры. Ситуация смягчилась лишь после

того, как на конференцию пришел архиепископ и принес извинения от лица церкви.

Во «Взгляде на мир из Юпиака» Оскар Кавагли отмечает:

Много проблем возникло оттого, что мы утратили необходимое равновесие... разума, тела и души... и стали изгнанниками из собственного культурного, природного и духовного мира. Говорят, что когда в Юпиаке текла уравновешенная жизнь, люди почти не болели. Старейшины, безусловно, соотносили физические и психосоциальные проблемы и характер заболеваний в прошлом и настоящем.

Наши люди, наши старейшины знают пути решения наших социальных, экологических и экономических проблем. Нам остается лишь прислушаться к их советам.

Наращивание потенциала общин в партнерстве с основными союзниками

Человек не ткал паутину жизни – он есть лишь нить ее.

И всё, что он делает с паутиной, он делает с собой.

Вождь Сиэтл, 1854

Хотя сельские общины Аляски всегда стремились добиться ответственного правительства, улучшения руководства, образования, здравоохранения, жилищных условий и инфраструктуры, эти действия не были подкреплены программой, основанной на самоопределении. Благонамеренные усилия внешних организаций или групп редко дают устойчивый эффект для дисфункциональной общины. Наш более чем тридцатилетний опыт показал, что успех возможен лишь в том случае, если сами люди участвуют во всех фазах программы или преобразований и тем самым обретают чувство обладания результатом и гордости за него.

Успешные программы исходят из общин и местных инициатив, направляемых коренными жителями. Таковы, например, общинные программы здорового образа жизни и реабилитации от алкоголизма и наркомании, основанные на культурных ценностях и традициях коренных народов Аляски. Программы этого типа в последнее десятилетие

выросли численно и послужили избавлению коренного населения от этих зол и укреплению их нравственной культуры. Община не будет жизнестойкой, пока не произойдет оздоровление людей, руководства и организаций.

Хотя проект «За здоровую общину» на Аляске был реализован только в этом году, концепция жизнеспособной общины в течение десятилетия применяется во многих районах штата и включает два подхода. Первый состоит в осуществлении партнерских проектов наращивания потенциала сельских общин Аляски для принятия обоснованных решений, управления, строительства и поддержки местной экономики в достижении желаемых перспектив. Второй предложен университетом Аляски в Фэрбанксе в виде базового курса по развитию окраин в рамках магистерских программ. Этот курс включает специальный учебник, пособие по ресурсам и практикум на местном и региональном уровнях для членов общин.

Есть три уровня партнерства. **Первый** – местное общинное партнерство – должен включать все основные местные организации, заинтересованные стороны, образующие одну неформальную общинную организацию. Такая организация должна представлять все группы общины. **Второй** уровень объединяет региональные ресурсные организации, способствующие процессу реального развития общины. **Третий** уровень партнерства представлен проектной группой, обеспечивающей техническую помощь, обучение, наставничество и доступ к ресурсам для общины и региона.

Всего имеется девять партнеров, включая первичную организацию охраны здоровья коренного населения Аляски, несколько организаций штата, один частный фонд, университет Аляски и финансирующий орган — Департамент сельского хозяйства США. В конце 2001 г. было выбрано четыре сельских общины, но из-за нехватки кадров работа в настоящее время ведется только в одной из них. Среди составляющих проекта:

- Группа концептуалистов, занимающаяся надзором, планированием, реализацией и оценкой результатов проекта
- Местная/региональная группа (включая старейшин и молодежь) для проведения практикума «Жизнеспособность общины» в выбранных селениях
- Моделирование процесса для каждой общины

- Процесс познания общины: с помощью «Общинной паутины», которая позволяет рассмотреть общину снаружи, так и изнутри
- Укрепление краткосрочного и долгосрочного потенциалов
- Выявление и освоение ресурсов для общинных проектов
- Инвентаризация и использование местных средств для решения проблем общины
- Единое местно-общинное партнерство для контроля над преобразованиями
- Оценка результатов с позиции общины

Ключевой компонент – «Общинная паутина». Это одно из действенных средств емкого обзора всех сегментов общинной структуры, как осязаемых, так и неосязаемых. В центре Паутины обычно помещается Священное – все то, что считают таковым члены общины. В туземных поселках Аляски именно Священное – наша культура и традиции – пострадало более всего, а в ряде случаев было разрушено. Важность процесса «жизнеспособности общины» очевидна для восстановления личных, семейных и культурных ценностей, для достижения той здоровой жизни, которой мы все заслуживаем.

Модель «здоровой общины», как уже говорилось, не нова. Она уже несколько лет успешно применяется в отдельных общинах. Но здесь впервые используется комплексный, партнерский подход с привлечением ресурсных организаций штата и государства. Суть программы состоит в вовлечении людей во все этапы общинного планирования, анализа, развития и оценки, чтобы они воспринимали достижения как собственные и гордились ими.

Литература

Arnold, Robert D. (1976) *Alaska Native Land Claims*. The Alaska Native Foundation, Anchorage.

Alaska Native Commission Report. A report to the United States Congress, (1994) Vol. II. Anchorage: Alaska Federation of Natives.

Dickerson, Larry (2000) *Creating Healthy Communities: The Process of Community Discovery*. University of Alaska: Fairbanks.

Kawagley, A. Oscar (1995) *A Yupiaq Worldview: A Pathway to Ecology and Spirit*. Waveland Press: Illinois.

Ott, J. Steven (1989) *Organizational Culture Perspective*. Brooks/Cole Publishing, Pacific Grove.

Pullar, Gordon L. (1997) *Indigenous Culture and Organizational Culture: A Case Study of an Alaska Native Organization*. Ph.D. dissertation, The Union Institute: Cincinnati.

Simeone, William E. (1982) *A History of Alaska Athapaskans*. The Alaska Historical Commission. Anchorage.

Smith, Linda Tuhiwai (1999) *Decolonizing Methodologies*. University of Otago Press: Denedin.

Wright, Susan (1994) *Anthropology of Organizations*. Routledge: New York.

МОГУТ ЛИ ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЫТЬ ВЕДУЩИМ СЕКТОРОМ ЭКОНОМИКИ АРКТИКИ?

Ли Хаски

Может ли индустрия высоких технологий быть ведущим сектором экономики арктических сообществ? Новая экономика и высокие технологии в последнее время утратили что-то из своего величия, но по-прежнему блистают на фоне традиционных добывающих отраслей Севера. Развитие рыболовства, лесного хозяйства, горнодобывающих отраслей и туризма затруднено территориальной отдаленностью.

Окраинная экономика характеризуется узостью местного рынка и отдаленностью от крупных рынков. Расстояние снижает прибыль, получаемую производителями за свою продукцию, и повышает затраты на производство. Это ограничивает возможность выгодных инвестиций в отдаленных регионах (Leven, 1986). Отдаленность лимитирует развитие, поскольку ресурсная продукция должна покрыть расходы на преодоление расстояний.

По сравнению с сырьевыми отраслями высокие технологии выглядят не столь зависимыми от фактора отдаленности. Бизнес-литература полна заявлений о «смерти расстояний» (Ohmae, 1999; Coyle, 1998). Действительно, технологические достижения последнего времени дают возможность размещать производство товаров и услуг вдали от населенных центров и, кажется, позволяют преодолеть барьер отдаленности. Новые технологии, снижающие стоимость перевозок, повышают потенциал экономического роста вдали от центров. Высокие технологии, снижающие эффект отдаленности, могут стать дополнительной экономической альтернативой для Севера.

В данной статье рассматриваются факторы, влияющие на размещение высокотехнологической индустрии в США. В частности, оцениваются сильные и слабые стороны сельских, периферийных регионов как мест размещения индустрии высоких технологий. Опыт США может оказаться полезным для оценки потенциала арктических сообществ всего мира.

Привлечение индустрии высоких технологий

Способы привлечения высокотехнологического производства в различные регионы США значительно различаются по уровню затрат и степени успеха. Многие регионы пользуются простой стратегией наименований в целях подчеркнуть открытость региона для индустрии. Например, штат Вашингтон имеет «Силиконовый Сад», Айова – «Силиконовую Долину» (Sterlicchi, 2001). Более активные методы означают привлечение государственных средств на обучение рабочих, создание инфраструктуры и налоговые льготы для стимулирования высокотехнологичного производства. Стратегия наименований относительно недорого. Инвестирование в обучение, инфраструктуру интернета, налоговые субсидии на исследовательские разработки дороги. И ни один из этих методов не гарантирует успеха.

Другим типом стратегии является обеспечение качества жизни в регионе (Gavin 2001). Высокое качество жизни представляется одним из важных

факторов распространения фирм высоких технологий. Предполагая затраты на повышение качества жизни, эта стратегия отличается от старых отраслевых подходов. Местное население остается в выигрыше даже в том случае, если расчет на привлечение нового бизнеса не оправдывается. Улучшение качества жизни создает более благоприятные условия для сообщества местных жителей.

Значение места

Что на самом деле имеет значение при размещении высокотехнологичных фирм? Со «смертью расстояний» отпадает необходимость сближать производство с рынком. Эта свобода, однако, не означает, что фирмы готовы разместиться где угодно и что любое место может стать потенциальным центром бизнеса. Замена физических связей виртуальными может привести к тому, что местонахождение будет иметь не меньшее, а даже большее значение (Kotkin, 2000). Различия между регионами становятся более важным фактором в определении их экономического успеха. Если это так, какие характеристики регионов важны?

Ответ можно получить из анализа характеристик районов, преуспевших в привлечении фирм по производству высоких технологий (Rogers, 2001; Rogers and Jastrow, 2000; Levy and Stone, 1998). На высокотехнологичное производство влияет стоимость размещения, а также налоги и другие местные затраты общественного назначения. Как все производители, фирмы высоких технологий заинтересованы в месторасположении с низкими затратами, однако масштабность экономики и качество жизни также представляются важными факторами.

Масштабность экономики, обусловленная историей и численностью местного сообщества, служит важной характеристикой для высокотехнологичного производства. Концентрация экономики снижает стоимость продукции, особенно для новых фирм. В регионах с высокой концентрацией промышленности новые фирмы имеют поддержку сети поставщиков, потенциальных партнеров, юридических и технических специалистов. Исторически обусловленное расположение университетов и исследовательских институтов служит ориентиром для создания новых предприятий, дает рабочую силу для начала деятельности

и комплектования штата. Наличие венчурных предпринимателей, а не просто делателей денег с больших улиц, составляет качественный аспект масштабности.

Качество жизни является другим важным региональным признаком, предопределяющим расположение индустрии высоких технологий. Его значение обусловлено главным образом влиянием на стоимость рабочей силы. Районы различаются качеством образования, климатом, возможностями отдыха и культуры. Заработная плата и затраты, связанные с текучестью кадров, могут быть ниже в регионе с более высоким качеством жизни.

Низкие цены, высокое качество жизни и масштабность производства не дают рецепта создания «Силиконовой Тундры». Это общие характеристики, хотя они представляют шкалу оценки потенциала северных сообществ. Этот перечень проблематичен для отдаленных сельских регионов, которым свойственны высокие цены и ограниченный масштаб производства. Каково относительное значение качества жизни в районах индустрии высоких технологий? Может ли местность обеспечить достаточное качество жизни, перекрывающее дефицит остальных факторов? От ответа на этот вопрос, возможно, зависит будущее высоких технологий в Арктике.

Значение качества жизни

Для тех, кто проектирует развитие северных территорий, может быть значима информация о том, что в США качество жизни действительно существенно влияет на размещение фирм, ориентированных на потребности своих служащих. Сельская местность предоставляет больше возможностей для отдыха на открытом воздухе, чем развитые урбанизированные регионы. Преимущества качества жизни в сельской местности в последнее время выражаются значением жилых и развлекательных комплексов в сельских районах Америки (Nord and Cromartie, 1997).

Влияние местонахождения на качество жизни отражается на местном уровне заработной платы. Многочисленные исследования показывают, что уровень зарплаты соответствует различиям в региональных удобствах (Rosen, 1974; Gyourko, 1991). Мигрантов привлекают более комфортные

регионы, что увеличивает приток рабочей силы и снижает средний уровень зарплаты. Работник мигрирует, пока его доход не достигнет оптимального уровня; в более благоприятных регионах он получает меньше, но это компенсируется более комфортными условиями жизни. Невысокий уровень оплаты труда в благоприятных для жизни регионах является стимулом для размещения новых фирм.

Фирмы с интенсивным применением человеческого капитала в новых отраслях будут следовать за рабочей силой в регионы с высоким качеством жизни. Однако при выборе локализации во внимание принимаются одновременно комфорт, компенсации и затраты. Выбор представляет компромисс между снижением затрат на оплату труда и увеличением других затрат, что накладывает определенные ограничения на качество жизни как стратегию привлечения (Kohler, 1997).

Эмпирические данные по США подкрепляют теорию значимости комфорта для локализации фирм высоких технологий. На местном уровне удобства оказывают позитивное влияние на экономический рост (Deller, et al, 2001). По другим данным, качество жизни оказывается фактором привлечения фирм высоких технологий в сельскую местность (Barkley and Keith, 1991).

Что это означает для Арктики? Может ли Север обеспечить достаточный уровень качества жизни? Хотя многие жители Севера полагают, что близость к природе и малая плотность населения обеспечивают им высокое качество жизни, не следует забывать, что это дело вкуса. Вкусы разнятся, а вопрос остается – могут ли отдаленные регионы стать привлекательным местом для работников высокотехнологичных отраслей?

Рост трудоемких высокотехнологичных производств дает возможность сельским и сырьевым регионам Арктики с низким уровнем дохода привлечь новый бизнес и по уровню доходов сблизиться с городскими центрами. Мобильность этих фирм и независимость от сложившейся производственной базы или скопления рабочей силы свидетельствуют об отсутствии очевидных препятствий для их размещения в сельских районах. Однако при всей важности качества жизни масштабность экономики не менее значима. Притягательность концентрированной экономики ограничивает

действие фактора качества жизни, которым располагает Север.

Значение масштаба

Агломерация экономики способствует снижению затрат в местах концентрации промышленности; она же облегчает работу новых фирм на начальном этапе. Маршалл выделил три позитивных фактора этого состояния: концентрация рабочей силы, масштабность производства комплектующих и циркуляция знаний (see Krugman, 1993). Масштаб экономики на Севере недостаточен.

Преимущество Севера в качестве жизни может компенсировать один из трех отмеченных Маршаллом факторов агломерации – недостаточную концентрацию рабочей силы. Концентрация квалифицированной рабочей силы уменьшает затраты по найму. Снижаются затраты фирмы на поиск, перемещение и обучение работников. Лучшее качество жизни также сокращает затраты.

По мнению Маршалла, кластерность фирм также позволяет производителям комплектующих нарастить масштаб производства за счет поставок нескольким потребителям. Наличие квалифицированных специалистов позволяет фирмам снизить затраты на начальном этапе. Кластерность потребителей и поставщиков также снижает транспортные расходы и затраты на ведение переговоров. Наконец, кластерность поставщиков может вызывать рост конкуренции и снижение затрат.

Циркуляция знаний является третьим фактором агломерации экономики по Маршаллу. Близость к конкурентам дает возможность обмена информацией и технологиями, что особенно важно для быстро развивающихся инновационных отраслей. Обмен идеями может идти по различным каналам, например, через поставщиков комплектующих и посредников. Он может происходить и во внерабочем общении служащих разных фирм, и в формальных рамках посреднических организаций.

В США высокотехнологичные отрасли отличаются высокой концентрацией. Это соотносится со значением агломерации или масштаба экономики. Для отдаленных регионов Севера нелегко противопоставить что-либо преимуществу масштаба. По

имеющимся данным, качество жизни оказывается действенным фактором, когда речь идет о районах, близких к областям концентрации индустрии высоких технологий (Huskey, 2002). Штаты с высоким качеством жизни, расположенные вблизи крупных высокотехнологичных регионов, имеют больше шансов привлечь эти производства. В некоторых случаях правительство может нарастить масштаб посредством инвестиций и местных субсидий, что, однако, требует больших затрат и в лучшем случае может повлиять на ситуацию в отдельных районах.

Политические меры

Положительный эффект фактора качества жизни все же предлагает стратегию развития для сельских местностей. Инвестирование в качество жизни имеет то преимущество, что даже при отсутствии иных результатов, людям все равно станет лучше жить. Акцент на инвестициях и политике улучшения качества жизни в регионе может привести к увеличению там числа высокотехнологичных фирм.

Другим источником роста индустрии высоких технологий могут быть доминирующие в этих регионах ресурсные отрасли. Если добывающие производства обеспечивают значительный масштаб экономики, и если они ориентированы на использование высоких технологий, индустрия высоких технологий может получить развитие в регионе. Фирмы, созданные для обслуживания добывающих предприятий, затем могут выйти на более широкий рынок. Местная ресурсная индустрия может представлять исходный рынок для роста предприятий высоких технологий.

Метод местной специализации соответствует модели специализации высокотехнологичных производств в США (Cortright and Mayer, 2001). Исследования показывают, что концентрированные высокотехнологичные производства специализируются на относительно малом количестве продуктов. Специализация наблюдается в производстве, патентах и венчурном капитале. Сырьевая база сельских районов может дать направление специализации высоких технологий.

Северные регионы могут проложить себе путь в агломеративную экономику, вкладывая средства в исследования, венчурный капитал или универ-

ситетское развитие. Важен для этой стратегии и учет того, чем еще располагает регион. Опыт инвестиций в научные разработки в сельских районах Европы показывает, что они оказывают незначительный эффект на экономический рост. Сельские регионы могут не располагать промышленной структурой и инфраструктурой, необходимой для реализации этих разработок (Rodriguez-Pose, 2001). Это еще один довод в пользу рассмотрения возможностей, связанных с производственной базой сырьевых отраслей региона. Предпочтение высоких технологий в развитии местной промышленности означает, что у региона будет больше собственного бизнеса, квалификации и инфраструктуры для наилучшего применения новых идей.

Литература

- Barkley, D. and J. Keith. 1991. "The Locational Determinants of Western Nonmetro High Tech Manufacturers: An Econometric Analysis." *Western Journal of Agricultural Economics* 16(2): 331-44.
- Bartik, Timothy. 1994. "Jobs, Productivity, and Local Economic Development: What Implications Does Economic Research have for the Role of Government?" *National Tax Journal*, XLVI.
- Cortright, J. and H. Mayer. 2001. "High Tech specialization: A Comparison of High Technology Centers." *The Brookings Institution Survey Series*. January.
- Coyle, Diane. 1998. *The Weightless World*. The MIT Press: Cambridge.
- Deller, S., T. Tsai, D. Marcouiller, and D. English. 2001. "The Role of Amenities and Quality of Life in Rural Economic Growth." *American Journal of Agricultural Economics* 83(2), May.
- Gavin, Robert. 2001. "The Rockies Emerge as Pocket of Prosperity in a Slowing Economy." *Wall Street Journal*, June 10.
- Gyourko, Joseph. 1991. "How Accurate are Quality of Life Rankings Across Cities?" *Business Review*. Federal Reserve Bank of Philadelphia.
- Huskey, L. "When You Wish upon a Star: Willing High Tech Growth in Alaska." Paper presented at the

- 2002 Western Regional Science Association Annual Meetings, Monterey.
- Kohler, Hans-Peter, 1997, "The Effect of Hedonic Migration Decisions and Region-Specific Amenities on Industrial Location: Could Silicon Valley be in South Dakota?" *Journal of Regional Science* 37(3): 379-394.
- Kotkin, Joel. 2000. *The New Geography*. Random House: New York.
- Krugman, Paul. 1993. *Geography and Trade*. MIT Press: Cambridge.
- Leven, C. "A Note on the Economics of Remoteness." in E. Bylund and U. Wiberg (eds.) *Regional Dynamics of Socio-economic Change-the Experiences and Prospects in Sparsely Settled Areas*. CERUM: University of Umea.
- Levy, Steven and Brad Stone. 1998. "The Hot New Tech Cities." *Newsweek* 132 (19), Nov. 9.
- Nord, Mark and John Cromartie. 1997. "Migration: the Increasing Importance of Rural Natural Amenities." *Choices: the Magazine of Food, Farm, and Resource Issues* 12(3).
- Ohmae, Kenichi, 1999; *The Borderless World*. Harper Business.
- Rodriguez-Pose, A. 2001. "Is R&D Investment in Lagging Areas of Europe Worthwhile? Theory and Empirical Evidence." *Papers in Regional Science* 80(3), July.
- Rogers, Adam. 2001. "A New Brand of Tech Cities." *Newsweek*, April 30.
- Rogers, A. and D. Jastrow. 2000. "From the Valley to the Alley." *Computer Resellers News*, Issue 905, July 31.
- Rosen, Sherwin. 1974. "Wage Based Indexes of Urban Quality of Life." In *Current Issues in Urban Economics*, edited by Peter Mieszkowski and Mahlon Straszheim. Johns Hopkins University Press: Baltimore.
- Sterlicchi, John. 2001. "Saturation is Near as More of World's Cities Fall for Lure of Siliconia." *Evening Standard*, April 4.

Человеческий капитал Севера – на примере Канады

Питер Г. Джонсон

На мой взгляд, понятие человеческого капитала объединяет существующий опыт и потенциал развития знаний, необходимых для удовлетворения потребностей общества в будущем. По мере возникновения и развития новых систем управления на Севере появляются новые значительные возможности для северян, как коренных, так и некоренных; но это же предполагает и решение сложных задач. В Канаде главную из этих проблем создает демографический фактор в соотношении с растущими потребностями глобальной экономики и глобальных политических систем. Коренные северяне стремятся сами определять свою судьбу и контролировать свои ресурсы, принимать участие во всех аспектах национального управления, при этом сохраняя свою самобытную культуру. Для достижения этих целей им необходимо расширять свой коллективный опыт.

Население северной Канады состоит из коренных жителей, инуитов и «первых народов», а также других групп, по большей части европейского происхождения, которые являются северянами во втором-третьем поколениях или новопоселенцами. По данным статистики,

- Из приблизительно 31000 жителей Юкона «первые народы» составляют 21%.
- Из приблизительно 42000 жителей Северо-Западных территорий «первые народы» составляют 50%.
- Из приблизительно 27000 жителей Нунавута инуиты составляют 85%.
- В Северном Лабрадоре и Северном Квебеке

большинство населения составляют инуиты, кри или инну.

Почти во всех регионах «первые народы» образуют большинство населения за пределами крупных административных центров (Уайтхорс, Юкон, нас. 23000; Йеллоунайф, Северо-Западные территории, нас. 17000; и Иквалуит, Нунавут, нас. 7000), где живет большинство некоренного населения. Кроме того, эти две группы населения демографически различаются по возрастной структуре: в отличие от некоренных жителей, около половины коренного населения входит в возрастную группу до 15 лет. Это открывает возможности обучения следующего поколения и в то же время создает проблему для системы образования, требуя быстрой адаптации к этим потребностям.

Население Севера обладает обширным фондом умений и знаний. Некоренные северяне, как правило, имеют более высокий уровень «формального» образования – университетского или среднего специального, в южном понимании. Среди коренного населения меньше людей, обучавшихся в южной системе, а те, кто получил южное образование, испытывают стресс, сталкиваясь с множеством возлагаемых на них региональных, национальных и международных задач; многие обладают и традиционными навыками. Коренное население находится в процессе освоения западных знаний, пытаясь одновременно сохранить собственные традиции культуры и передачи знаний.

Не всегда легко показать, что означает числен-

ность и распределение населения для культуры и управления в глобальном мире. На языке цифр, в моем университете, располагающемся в трех городских кварталах, студентов, преподавателей и сотрудников больше, чем жителей всей территории Нунавут, занимающей площадь 1,994 млн. кв. км. В день национального праздника Канады, 1 июля, на поляне перед зданием парламента в Оттаве желающих посмотреть фейерверк собирается больше, чем живет во всех северных территориях и регионах. Многие общины малочисленны, отделены друг от друга большими расстояниями, и добраться до них можно только по воздуху.

То обстоятельство, что огромные пространства Севера Канады, переходящие на новую систему управления, населены очень редко, делает почти невероятным для северян – как коренных, так и некоренных – самостоятельное решение всех задач, стоящих перед ними в ближайшем будущем, особенно с учетом их ролей на международной и национальной арене. Даже при самой высокой доле молодежи среди населения Канады коренные народы едва ли смогут дать достаточное количество экспертов для управления и разрешения таких проблем, как эффект климатических изменений или обеспечение устойчивого развития в первой четверти 21 века. «Первые народы» Канады хотят играть ведущую роль во всем, что имеет отношение к их жизни. Это желание вполне объяснимо и его следует поощрять всеми доступными средствами; однако на сегодняшний день не существует ни человеческого, ни финансового капитала для выполнения всех этих функций. Следует отметить, что сами федеральные органы, имея больше людских ресурсов, не получают достаточного финансирования для выполнения своих обязанностей. Это особенно справедливо в отношении науки и образования, где в последние два десятилетия федеральные программы были сокращены, и где не видно выраженного стремления к разработке стратегии и определению приоритетов.

Мне представляется (несмотря на обратные утверждения), что “новые” модели северного управления для коренных народов, согласно подписанным с федеральным правительством договорам, по большей части основаны на западных образцах управления. Стандартный набор структур образования, культурного наследия, экономического развития, права и т.д. создает административную систему с управленческой иерархией, аналогичной южным моделям. «Первые народы» Канадского Севера,

численностью около 70000 человек, не могут реально обеспечить заполнения всех существующих должностей в трех территориальных и двух региональных структурах управления без чрезвычайной перегрузки некоторых высококвалифицированных специалистов. Дефицит человеческих ресурсов ощущается еще острее по мере того, как правительства пытаются выполнить все свои обязательства. Это в возрастающей степени влияет на молодежь, которая ныне составляет около 50% населения, и на которую возлагаются большие надежды. Каковы формы этого влияния? Среди них – потерянные возможности проводить время на своей земле с родителями и старейшинами, трудности сохранения языковых навыков, отсутствие родителей, посещающих конференции по всему миру, стрессовые проблемы социальной адаптации и здоровья.

Особенно дорогостоящей задачей видится создание инфраструктуры в обширных малонаселенных районах Канадского Севера. Обучение летчиков, механиков, инженеров и техников из числа местного населения является частью задачи. Для обеспечения хорошего воздушного сообщения между севером и югом Канады корпорации коренных народов купили две из трех основных авиалиний (Canadian North, First Air) и стали крупными акционерами третьей (Air North). Большинство локальных авиалиний также принадлежит местным владельцам. Поддержание необходимой квалификации чрезвычайно важно для сохранения этой инфраструктуры.

В сфере начального и среднего образования на Канадском Севере в последнее десятилетие сделано многое, однако пробелы остаются. Среди насущных вопросов: нужда в большем количестве учителей из числа коренных народов, особенно по естественным наукам; совершенствование учебных курсов с ориентацией на культурные традиции; доступность среднего образования (два десятилетия назад школы-интернаты в Уайтхорс обеспечивали среднее образование для всего Юкона, сегодня в большинстве поселков есть средние школы, но многие из них малы и, за недостатком ресурсов, испытывают трудности в предоставлении бесплатных программ обучения); большая текучесть кадров среди некоренных учителей; высокая доля исключений учащихся; качество подключения к Internet; неотложные вопросы здоровья и социальных отношений в общинах.

Родители из числа некоренных жителей некоторых поселков по-прежнему направляют своих детей учиться в южные школы, полагая, что северные школы все еще не обеспечивают необходимого качества подготовки для поступления в университет.

В Канаде нет университетов, расположенных в северных регионах. Некоторые университеты – Лаваль, Северной Британской Колумбии, Альберты – имеют программы, ориентированные на Север, однако малочисленность населения Севера ограничивает возможность северных колледжей в Канаде предлагать полные академические программы по всем дисциплинам. Программное обучение в небольших и традиционных поселках еще более осложняет задачу развития человеческого капитала. Успешные программы за несколько лет исчерпывают потребность в них, а продолжение обучения небольших групп студентов по университетским программам первого и второго курсов на долгосрочной основе требует значительных финансовых затрат. Однако без этих программ студенты должны уезжать на юг сразу по окончании средней школы. Часто это означает обучение по не ориентированным на Север программам и, одновременно, необходимость адаптироваться к жизни в городе, население которого намного превышает все население Севера. Нередко студенты вынуждены переезжать в южные города для продолжения образования, несмотря на многочисленные местные программы. На начальных курсах во многих южных учебных заведениях бывает до 500 студентов, и в одной аудитории студентов может быть больше, чем в целой школе или даже целом поселке на Севере.

Многие важные связи в системе образования ориентированы скорее на циркумполярные, чем северно-южные отношения, чем обусловлено значение таких организаций, как Арктический совет, Циркумполярный совет министров образования, Университет Арктики. Использование северных программ, разработанных в других странах, часто более приемлемо для канадских студентов: примерами служат Арктическая программа университета Лапландии (Рованиеми, Финляндия) и программы университета Аляски (Фэрбенкс). Необходимы дополнительные ресурсы для северного обучения и получения северянами этих знаний в необходимом для них объеме (в отличие от знаний, предлагаемых южанами и федеральным правительством).

Наряду с задачами, стоящими перед центральным правительством, высокие требования в развитии человеческого капитала предъявляются к северным коренным общинам. Местным общинам трудно, если вообще возможно, играть ведущую роль или участвовать во всех инициативах: университет Арктики, климатические изменения, загрязнение севера, менеджмент ресурсов океана, устойчивое развитие, вымирающие виды, САФФ, АМАР, китобойные конвенции и т.д. Кто может обеспечить вклад коренного населения во все эти инициативы? Эффективное партнерство, позволяющее распределить бремя представительства, уменьшение дублирования деятельности вновь создающихся многоуровневых структур управления, доверие в условиях открытости и прозрачности, позволяющее решать вопрос на одном уровне управления, – все это может уменьшить нагрузку на человеческий капитал.

Как и в случае с образованием, в управленческой деятельности северных народов циркумполярные контакты часто более важны, чем национальные связи. Эти контакты менее бюрократизированы, зависят во многом от персональных позиций, более открыты и прозрачны. Контакты, отягощенные бюрократией, не принимающие в расчет культурных особенностей, развивающиеся медленно и закрыто, вызывают только разочарование.

Основанные на южных моделях процессы утверждения и передачи прав собственности на землю могут быть непригодны для небольших северных общин. Часто оказывается, что северянам предписываются роли, не обеспеченные ни средствами и стратегией осуществления, ни весомым политическим представительством на национальном уровне. По некоторым направлениям развития ощутим недостаток квалификации в области права, социальных и культурных вопросов. Наука в целом может служить одним из таких примеров.

Требование участия общин во многих программах, особенно мониторинговых, усиливает стресс. Участие общины идеально при наличии времени, квалификации и ресурсов. Но мониторинг является обязанностью центрального правительства, и вовлечением общин, похоже, часто прикрывают снижение собственной ответственности.

Культурная целостность северных народов, коренных и некоренных, имеет решающее значение; но и здесь существуют проблемы из-за

скудости ресурсов, выделяемых на исследования культуры. Примерами могут служить проекты изучения разрушающихся участков побережья, которые следует завершить до их деградации под действием глобального потепления, а также исследования ледовых включений на юго-западе Юкона. Фракции льда на возвышенностях неподалеку от Хейнс Джанкшн, где карибу искали спасения от насекомых в жаркие летние месяцы, содержат частицы древней одежды и охотничьего снаряжения, а также большое количество датированных фекалий карибу. Быстрое таяние сегодня угрожает этим 6000–8000-летним памятникам промысла карибу.

Таким образом, демография Севера Канады обуславливает трудности лидерства или партнерства северных общин во многих направлениях деятельности. Новые системы управления открывают большие возможности, но и ставят серьезные задачи. В частности, значительного внимания заслуживает наука. Отсутствие в Канаде стратегии северной науки (или даже национальной стратегии науки) и сокращение федеральной поддержки науки в последнее двадцатилетие вызвало эффект истоще-

ния на уровне общин. Хотя существует ряд федеральных инициатив – дискуссионный документ по океанической стратегии Канады (Canada's Ocean Strategy 2002) и Климатологические проблемы Канады (Climate Science Agenda 2002), – в них невыразительно представлен Север, и, за исключением программ типа Контаминанты Севера, эти инициативы недостаточно скоординированы.

Литература

Canada's Ocean Strategy. Our Ocean Our Future. Government of Canada, Fisheries and Oceans Canada. 2002.

Canada's Ocean Strategy. Our Oceans Our Future. Policy and Operational Framework for Integrated Management of Estuarine, Coastal and Marine Environments in Canada. Government of Canada, Fisheries and Oceans Canada. 2002.

Climate Science Agenda for Canada 2002-2012. Final report of a workshop to discuss a climate science agenda for Canada. Meteorological Services Canada 2002.

Калоттская Академия 2002

Таня Йоона
Ласси Хейнинен

Международная Калоттская Академия проводилась ежегодно с 1991 по 1999 гг. и с 2002 г. возобновила свою работу. Это международный форум для открытых дискуссий и диалога между деятелями науки и образования, с одной стороны, и другими заинтересованными группами, в том числе ответственными работниками (политиками и государственными служащими), активистами общественных организаций, бизнесменами, с другой. Кроме того, это семинар, путешествующий по Северному Калотту – ключевой области Европейского Севера.

На каждой ежегодной встрече в центре внимания оказывается как текущая международная и геополитическая ситуация в Северной Европе, так и региональная динамика в Северном Калотте. Основными темами обсуждения являются региональное развитие, управление, северная экономика, политика безопасности и пути регионализации.

Идея и главные цели

Калоттская Академия основывается на идее, что отношения Восток-Запад и межрегиональная кооперация на Европейском Севере в известной мере сопоставимы с ролью Инари в центре Северного Калотта. Эти связи предполагают трансграничное сотрудничество и открывают новые возможности для северных регионов и обществ. Примером

может быть расширяющееся трансграничное сотрудничество между Хапарандой в Швеции и Торнио в Финляндии, в том числе инициативы, подобные проекту «По грэнсен» ("På gränsen Project" – см. веб-страницу Provincia Bothniensis).

Изначально цель Калоттской академии, как и родственной ей Летней академии Кухмо, состоит в проведении ежегодного международного форума для плодотворных дискуссий и дебатов на межсекторальном уровне между различными деятелями Европейского Севера, с опорой на концепцию обоюдного выигрыша вместо игры с нулевым результатом. Дискуссии на сессиях Калоттской академии посвящены в основном проблемам и возможностям развития северных регионов в динамике глобализации и регионализации, а также в контексте межрегиональной кооперации на Европейском Севере. Цель подобных дискуссий состоит в преодолении барьеров не только в трансграничном сотрудничестве, но и межсекторальном общении и мышлении, поскольку именно эти обстоятельства являются проблемными в развитии современных обществ. Калоттская академия построила свой дискурс на многосторонней межрегиональной кооперации, путешествуя через государственные границы Северного Калотта еще до того, как сложилась организация Евро-Арктического Баренц-региона (BEAR) в 1993 г. (см. веб-страницу BEAR).

Другой целью Калоттской академии является обучение представителей различных заинтересован-

ных сторон и групп с акцентом на стратегическом мышлении для планирования и обеспечения развития северных периферий. Исходно Калоттская академия фокусируется не только на проблемных аспектах современности, но и в видении различных перспективных возможностей.

Калоттская академия представляется гибкой системой взаимодействия ряда региональных исследовательских и экспертных институтов, включая Политехнический в Рованиеми (RAMK), Саамский колледж в Инари, Институт Туле в Оулу и Арктический центр университета Лапландии в Финляндии, а также Институт экономических проблем Кольского научного центра в Апатитах, России, и NORUT Finnmark в Альте, Норвегии.

Из истории организации

Калоттская академия была создана в 1990 г. Лапландским летним университетом, Институтом мирных исследований Тампере (TAPRI) и Арктическим центром (AC). 1-я Калоттская академия была организована в мае 1991 г. в Инари, Финляндии. С тех пор Академия объехала Север, пересекая национальные границы и проводя сессии в Инари, Рованиеми и Торнио в Финляндии, Киркинесе и Сванвике в Норвегии, Никеле и Мурманске в России, Хапаранде и Кируне в Швеции, следуя правилу, что всякий раз ее сессии должны проходить, по меньшей мере, в двух различных странах и регионах.

Научная общественность играла активную роль в северных взаимоотношениях и арктической кооперации в 1980-е и, особенно, 1990-е гг. Среди деятельных международных научных организаций и ассоциаций значатся IASC, Университет Арктики (университет 'без стен') и Северный исследовательский форум (NRF) на Циркумполярном Севере, Летняя академия Кухмо и Калоттская академия на Европейском Севере.

Две последние путешествующие 'академии' являются форумами для дискуссии и диалога между исследователями, государственными служащими и политиками, студентами, журналистами и представителями гражданских организаций. Летняя академия Кухмо состоялась в Кухмо, Финляндии, Костомукше и Петрозаводске, России, в 1987-1997 гг. и вновь в 2003 г. Она стала международным форумом для исследователей и государственных служащих северных периферийных регионов и

одновременно прошла путь от разделенного границами к новому миру. Этот авангардный форум был поддержан несколькими годами позже Калоттской академией.

Субфорум Северного исследовательского форума

Опыт Калоттской академии вдохновил на продолжение процесса создания международной сети и форума для межсекторальных дискуссий и диалога по северным вопросам между различными заинтересованными сторонами. В итоге был создан Северный исследовательский форум (NRF), первый съезд которого состоялся в ноябре 2000 г. в Исландии, второй – в сентябре 2002 г. в России (подробнее см. NRF веб-страницу и Proceedings 2001). Калоттская академия сохраняет свое значение суб-форума для NRF.

Организаторы

Калоттская академия координируется Арктическим центром университета Лапландии. Концептуальная группа Калоттской академии, возглавляемая д-ром Ласси Хейниненом, ответственна за подготовку ежегодных встреч (www.arcticcentre.org/). Калоттская академия организуется ежегодно Политехническим институтом Рованиеми (RAMK), Саамским колледжем, Институтом Туле и Арктическим центром в сотрудничестве в Институте экономических проблем Кольского научного центра в России и NORUT Finnmark в Норвегии. Она также поддерживается Окружным союзом Лапландии (Lapin liitto), муниципалитетом Инари и Северным исследовательским форумом.

Калоттская академия 2002

После короткого перерыва международная Калоттская академия снова состоялась в Инари, Финляндии, 6–7 мая 2002 г. Основными темами Калоттской академии 2002 были: «Динамика движения населения и человеческий капитал Европейского Севера» и «Традиционные знания и применение новой технологии». В рамках семинара был организован круглый стол по теме «Возможности для Европейского Севера»

с выступлениями от университета Лапландии, Регионального совета Лапландии, Северной Ассоциации, муниципалитета Инари и экологической организации и туристической компании Риккопарви. Наряду с проведением семинара была также подготовлена анкета, о которой мы расскажем далее.

Как уже говорилось, тематика Калоттской академии включает как современные проблемы, так и осмысление возможностей будущего. Необходимо изучить соотношение между количеством и качеством и, с другой стороны, место каждой провинции и муниципалитета во внутренней региональной политике каждой страны и в развитии Европейского Севера. Анкета, распространенная среди участников семинара, включает много интересных и довольно неожиданных ответов, даже конкретных задач для тех, кто принимает решения.

Первая из основных тем Калоттской академии 2002 г. имеет отношение к *количеству*, т.е. динамике населения в Северном Калотте – миграциям населения, сокращению населения в Лапландии и других регионах Европейского Севера. В ходе семинара поднимались важные вопросы: Какова действительная численность населения Европейского Севера, и есть ли вообще такая величина? Является ли динамика населения или демография значимым аспектом регионального развития в начале XXI века? Эта тема имеет также отношение к человеческому капиталу и благосостоянию (т.е. *качеству*), предполагая осмысление роли местных и региональных движений и неправительственных организаций в региональной динамике и развитии, а также институционализации новой концепции обитания.

Вторая основная тема Академии 2002 – традиционные знания и применение и содержание новых технологий или индустрий, например, медийной и виртуальной, а также дальнейшее развитие таких традиционных и местных занятий, как оленеводство. Новые индустрии, или новый тип индустрии, в мире глобализации и регионализации означают нечто, имеющее дело в основном с нематериальными и виртуальными ценностями. Идея состоит в том, чтобы рассмотреть эти индустрии и традиционные занятия как проблемы и возможности для северной экономики и общества, включая акцент на физическом и духовном благосостоянии людей и сохранении ресурсов, т.е. «культуре здоровья».

Последняя встреча Калоттской академии состоялась в апреле 2003 г. В Рованиemi, совместно с Ежегодной встречей прессы Баренц-региона. Как и прежде, в качестве главных рассматривались вопросы региональной динамики Севера и задачи демократии на Европейском Севере. Особыми темами на этой встрече были: «Должен ли Север быть населен?» и «Старые структуры демократии в новых условиях».

Анкета Калоттской Академии

При подготовке Калоттской Академии зимой 2002 г. одной из идей было распространение краткой анкеты по вышеперечисленным темам. Анкета была разослана более чем 300 представителям различных заинтересованных сторон и частным лицам, мужчинам и женщинам (56% ответов пришли от женщин и 44% от мужчин), молодым и пожилым, живущим в пределах и вне региона (Финской Лапландии и Северного Калотта/побережья Баренцева моря). Хотя мы подчеркивали, что это просто анкета, а не научное исследование, ответы прислали без малого 200 человек, и она привлекла значительное внимание местной печати (см. напр. *Lapin Kanssa* от 07.05.02, и от 25.05.02; *Kaleva* от 07.05.02).

В начале анкеты предлагалось десять вопросов с вариантами ответов, из которых предлагалось выбрать наиболее подходящий по мнению отвечающего. Ниже резюмированы итоги полученных ответов. Примерно 70% респондентов считают, что население Лапландии *должно увеличиться значительно, или несколько*, с учетом различных занятий, экологической и экономической обстановки в сегодняшней Лапландии. В 37% ответов было отмечено, что было бы хорошо, если бы *значительно большее число туристов* посещало Лапландию в будущем; 48% отметили, что хорошо бы *туристов приезжало несколько больше*. 49% указали на желательность того, чтобы *заметно больше* различных компаний открывали свой бизнес или переводили его из других районов в Лапландию; 43% отметили в этом отношении позицию *несколько больше*.

58% ответивших выразили мнение, что лесная отрасль оказывает *довольно положительный или очень положительный* эффект на развитие Лапландии. Влияние горной промышленности также оценено как *очень положительное* и *довольно положительное* (75%) для будущего и развития

Лапландии. Примечательно, что в ответах о возможностях улучшения ситуации в Лапландии за счет информационных технологий, эти новые отрасли были названы как оказывающие *очень положительный* (42%) и *довольно положительный* (42%) эффект на развитие Лапландии. 46% респондентов восприняли открытие пограничного пункта Салла было как *довольно положительное*, 27% сочли открытие границы *чрезвычайно положительным* явлением.

Лапландия воспринимается как район благоприятный для проживания с множеством возможностей для качественного проведения свободного времени (70%). 28% ответов показывают, что Лапландия воспринимается как *значительно менее* развитая область, чем другие регионы Финляндии, но уровень так называемой повседневной жизни оценивается как *довольно хороший* (49%) или *обычный*, т.е. *ни хороший ни плохой* (32%).

В конце анкеты людям было предложено назвать три положительные и три отрицательные характеристики Лапландии. Пять наиболее распространенных положительных и отрицательных ответов были следующими:

Положительное в Лапландии	Отрицательное в Лапландии
1. Прекрасная природа	1. Неуверенность местных руководителей
2. Покой	2. Безработица
3. Люди Лапландии	3. Слишком большая миграция на юг и в большие города
4. Много возможностей для проведения свободного времени	4. Слабая экономическая ситуация
5. Умеренная стоимость жизни	5. Зависть и различные столкновения

Как видно, положительные характеристики связаны с тем, чем знаменита Лапландия и что известно людям как в самой Лапландии, так и за ее пределами – чистая и красивая природа, покой, простор, смена времен года и размеренный образ жизни. Жители Лапландии считаются открытыми, честными и добрыми. С другой стороны, люди считают, что зависть и соперничество ослабляют потенциал сотрудничества заинтересованных сторон, муниципалитетов, представителей властей

и т.д. Среди положительных факторов также назывались разнообразные возможности проведения свободного времени и умеренная стоимость жизни.

Самыми неблагоприятными факторами названы высокий уровень безработицы в Лапландии и неспособность властей принимать адекватные решения, когда это необходимо. Их обвиняют в недостатке уверенности при принятии решений. Вместо того чтобы реально действовать, люди жалуются и обвиняют друг друга. Хотя вероятно, или даже наверняка, это является универсальным явлением, а не только дилеммой Лапландии! Конечно, такого рода проблемы могут обостряться на периферии, где принятие решений зависит от больших центров, таких как Хельсинки в Финляндии. Из ответов видно, что экономическая ситуация в Лапландии оценивается как слабая, и это может быть причиной столкновений позиций различных сторон: трудно делить деньги, когда делить нечего. Нестабильная экономическая ситуация обостряет обеспокоенность людей за свое будущее. Большая часть рабочих мест на сегодняшний день – это сезонные работы, и это заставляет людей переезжать в более южные районы Финляндии, большие города и центры.

В соответствии с тематикой Калоттской Академии, целью опроса было изучение не только количественных, но и качественных показателей жизни в Лапландии. Как говорилось выше, люди, особенно молодые, уезжают из Лапландии сначала на учебу, а затем остаются со своими семьями в районах с лучшим рынком труда. Для того чтобы они захотели вернуться в родные места, требуется больше, чем красивая природа, чистый воздух и покой, если при этом отсутствуют необходимые удобства, школы, магазины или инфраструктура, и все и повсюду очень далеко. На Калоттской Академии обсуждались качественные характеристики мигрантов. Это, как правило, молодые женщины, которые хотят получить образование и не имеют почти никакой мотивации к возвращению на родину. Это делает Лапландию страной холостяков с множеством социальных и психологических проблем.

Привлекательными отраслями бизнеса в Лапландии являются путешествия и туризм. За последние годы наблюдался их значительный рост. Туризм дает тысячи (большой частью сезонных) рабочих мест многим людям в различных

областях, что широко рекламируется во всей стране. В этом чистый воздух и спокойное окружение сочетаются с экономическим развитием, в котором остро нуждается Лапландия. Туризм, однако, подвергается критике за концентрацию в определенных районах и дискриминационное отношение к местной природе и местным жителям. Муниципалитеты зачастую затрачивают много усилий и средств на проекты без должных консультаций и планирования. Столкновение интересов туризма и традиционного уклада жизни в северной Лапландии также создает проблемы на будущее: как совместить экономический рост с сохранением и созданием благоприятных условий развития таких традиционных занятий, как оленеводство?

В заключение следует подчеркнуть, что все это относится не только к Лапландии, Финнмарку или Мурманску. Это вопрос северной периферии,

зажатой между глобализацией и регионализацией. Глобализация подчеркивает легкость установления связей и коммуникаций, а также растущую роль состоятельных и влиятельных действующих лиц. Регионализация открывает иные возможности для жителей и региональных деятелей в плане создания нового типа отношений и объединений. Северные регионы мира всегда жили в глобальном и в то же время региональном мире. Это сделало северные народы изначально интернациональными по своей природе. Если экзотическая природа и покой привлекают все большее число туристов, а богатые природные ресурсы приводят все большее число компаний в Северный Калотт, мы можем сказать, что инновационный характер Севера нашел свое выражение во многих планах. Север – модное слово, даже если оно используется лишь как заголовок или символ.

Экономика дарения и отдаривания – культурная восприимчивость и гендерное сознание как социальный капитал Севера

Карина Каило

Женщины составляют 70% бедного населения планеты, им принадлежит 1% мирового богатства. Во всех странах мира женщины беднее мужчин, и их бедность и экономическое неравенство сказываются на всех сторонах жизни: выживании их самих и их детей, доступности пищи и жилья, физической безопасности, сексуальной независимости, здоровье, доступе к образованию, грамотности и правосудию, способности участвовать в общественной жизни, принимать жизненно важные решения. Экономическое неравенство женщин неразрывно связано с их сексуальной эксплуатацией и отсутствием у них политической власти. До тех пор, пока женщины как группа не будут иметь равной доли в мировых экономических ресурсах, они не будут иметь равного голоса в определении будущего планеты. Поскольку основная роль в осуществлении прав человека принадлежит правительствам, решение вопроса об экономическом неравенстве женщин должно незамедлительно стать приоритетом для правительств (Day 2000, 12).

После 1999 г. прошли две крупные конференции женщин Циркумпольного региона: «Разные жизни, общая нить» в Уайтхорсе, Канада; «Обретая крыло – равенство полов и женщины Арктики» в Саариселке, Финляндия, в 2002 г. Я хотела бы привлечь внимание к основным выводам, рекомендациям и предложениям, высказанным на этих двух конференциях, где женщины Арктического и Скандинавского регионов обсуждали, помимо

других вопросов, основные задачи ближайшего будущего. На основе этих встреч, где я говорила о насилии в отношении женщин, природе и демократии, я сформировала свою собственную позицию. В свое видение основных вопросов я также включила точку зрения, высказанную на Всемирном конгрессе женщин, проходившем в Уганде (2004a, b), где я вела сессии по экономике взаимопомощи, устойчивому развитию/экофеминизму и сексуальному насилию в глобальном контексте (Kailo 2002d). Я не могу концентрироваться только на проблемах финских женщин, поскольку глобальная политика торговли и мультикультурный колониализм сказывается на положении женщин в самых отдаленных уголках мира. Мы взаимосвязаны с глобальным сообществом, но не все аспекты этой взаимозависимости благотворны для женщин и других уязвимых групп (Afshar, Barrientos 1999; Batra 1994; Ås 1999).

С моей точки зрения, П СИФ наилучшим образом выполнит задачу развития диалога в рамках северного научного сообщества, если в нем будут рассматриваться жизненно важные вопросы (устойчивое развитие и местное/глобальное экоциальное благосостояние) с позиций всех «заинтересованных сторон», включая женщин и коренных жителей. Сама терминология, используемая СИФ – «социальный капитал» и «заинтересованные стороны» – отражает экономический и рыночный характер современной глобальной политики как сегодняшнего мировоззрения; в них выражено то, что Воган (1997) называет патриархальной экономикой обмена. Какова значимость для будущего

Севера того факта, что благосостояние рассматривается в узком ракурсе экономики и рынка, что о человеке все больше говорят, пользуясь утилитарным языком капитализма? Рассматривая влияние неолиберальной идеологии торговли, необходимо помнить, что лишь незначительное меньшинство северного населения владеет капиталом или является в буквальном смысле заинтересованной стороной экономического развития. По словам Анжелы Майлз на Всемирном социальном форуме в Порто Алегре:

В мировом масштабе поляризация выглядит непристойно. В 1997 г. активы 450 миллиардеров были равны совокупному годовому доходу беднейших 50% населения мира. Статистика Мирового банка показывает, что во всем мире число людей, живущих на 1 доллар и менее в день выросло с 1,2 млрд. в 1987 г. до 1,5 млрд. в 2000 (22% населения планеты) и, если эта тенденция сохранится, оно к 2015 г. достигнет 1,9 млрд. (Millennium Forum 2000, цит. по Miles 2002)¹

Далее, словами Айзенштайн:

То же правительство, что переписало закон о социальном благополучии и прекратило раздачу бедным, в 1997 г. передало коммерческим вещателям цифровой спектр, эквивалентный 70 млрд. долларов США. Крупнейшие медиакомпании мира получили около пяти новых каналов на каждом рынке, где прежде они владели одним (Eisenstein 1998, 83) ... Объем налоговой паузы для корпораций и богатых собственников в 1996 г. составил 440 млрд. долларов США, в 17 раз превысив объединенные затраты штата и федерального правительства на AFDC (Помощь семьям с зависимыми детьми) (Eisenstein 1998, 62).²

Сходные тенденции можно обнаружить в мировой неолиберальной политике. На упомянутых конференциях женщины всего мира пришли к заключению, что взгляды, ценности, опыт и мудрость женщин должны признаваться, быть услышанными и приниматься во внимание как основа местного/глобального благополучия на экономическом, политическом, культурном и духовном уровнях.

При общей диспропорции доли женщин в труде, распределяющемся между семьей, официальной

занятостью и общественной работой, им принадлежит, по данным ПРООН, менее 1% мировой собственности, и они продолжают быть жертвами разнообразных форм насилия в мире (напр. Smyke 1991).³ В регионах Арктики женщины особенно уязвимы в плане экономического, культурного, духовного, религиозного, психо-эмоционального и сексуального насилия. Более того, они несут на себе бремя последствий регионального неравенства в предоставлении услуг и других эффектов переходной экономики и толчков приватизации (см. в частности Dokmanovic 2002). Это является результатом двойной или тройной рабочей нагрузки женщины, географической изоляции, повышенной безработицы, недостаточности здравоохранения и правоохранных структур, удаленности от центров охраны материнства, скудости инфраструктур поддержки, отсутствия приютов или невозможности скрыться от жестокого обращения в маленьких общинах (Graeme 1990); и это лишь некоторые из существующих проблем.

Глобализация свободной торговли и расширение рыночной экономики принесли беспрецедентное богатство и возможности многим женщинам Севера; технологические изобретения последних лет также обещают кибер-революцию для женщин и коренных народов самых отдаленных регионов Арктики. Однако компьютерный сексизм и расизм представляют собой новые проявления асимметрии властных отношений на Севере (Eisenstein 1998). Без серьезного анализа и рассмотрения мирового клина (растущий разрыв между полами в занятости, доступе к ресурсам, доходам и услугам), лишь небольшая элитная группа женщин выигрывает как «заинтересованная сторона» северных проектов развития. Женщины выигрывают мало (или даже страдают) от новых технологий, если их эффект проявляется в разрушении традиционного стиля жизни (это беспокоит, например, женщин ненцев, монганье, кри и саамов), или если они просто способствуют развитию условий, лежащих в основе экономической зависимости женщин.⁴ Нельзя подходить к экономике в отрыве от политики, идеологии, мировоззрения и экосоциальных ценностей. Экономика – не более нейтральная наука, чем экология, биология или технология; напротив, она тесно связана с идеологией, сформированной преимущественно представителями белой мужской элиты. Политика устойчивого развития, скорее всего, потерпит неудачу, если будет основываться только на биологической и экологической науке, не принимая

в расчет общественных наук, опыта и интересов местного населения.

Женщины всего мира говорят о насилии в их отношении, о растущем обороте торговли женщинами и детьми, о проституции (большой и расширяющийся бизнес на Севере) как важных вопросах, требующих внимания со стороны правительств, организаций, политиков и исследователей (напр. Pietilä 1998, Kailo 2004b). По всему Северу женщины уязвимы в плане экономического и сексуального насилия из-за социально неустойчивых приоритетов, определяемых и оберегаемых многонациональными корпорациями. Правительства национальных государств субсидируют транснациональные компании (помогая им получать прибыль), не требуя при этом от них разделения ответственности за социальные и экологические последствия их деятельности или использования субсидий для конкретных целей увеличения занятости (пример – движения в поисках прибыли компании Salcomp из Финляндии в Азию). Когда правительства больше заинтересованы в защите экономических интересов многонациональных корпораций (чья прибыль часто проходит мимо местных бюджетов), чем в обеспечении стабильного уровня жизни местного населения, тогда северные проекты развития становятся не признаком прогресса, а угрозой общественному благосостоянию. Для северного общества нет более достойного развития, чем стабильное будущее детей и экосистемы. Бессмысленно в качестве меры прогресса подсчитывать экономический рост и ВВП, когда молодые женщины и матери бедствуют и ищут первой возможности покинуть свой дом. Следует подумать об учете Валового Нравственного Продукта – умственного и духовного роста, расширения системы взаимопомощи (Воган 2002), выходящего за рамки концепций бесконечного и неудержимого роста экономики и конкуренции.

Можно привести множество примеров асимметричных отношений власти, отводящих женщинам второстепенные роли. Социальное бремя воспитания детей не распределяется равномерно между отцами и матерями, и правительство даже нарушает законы, когда пытается признать трудовые права женщин (напр. Eräsaari 1999). Это усугубляет проблемы женщин в поисках работы, продвижении по службе и получении пенсий. Финляндия, например, демонстрирует, насколько резко профессиональная жизнь различается по гендерному

признаку. Женщины в подавляющем большинстве представляют сферы сервиса, ухода, образования, здравоохранения, тогда как мужчины составляют большинство в самых престижных и оплачиваемых отраслях, прежде всего высоких или информационных технологиях. Такие объекты женского бизнеса, как салоны красоты или центры здоровья, явно менее конкурентоспособны, чем контролируемые мужчинами технологические предприятия, по структурным характеристикам: они вынуждены нести социальные издержки материнства, отпусков и отсутствия по уходу за больными детьми; к тому же женщины-матери-предприниматели диспропорционально сталкиваются с родительскими проблемами. Мужчины в специфически мужском бизнесе, напротив, оказываются в двойном выигрыше, не будучи обязанными нести формальное или социальное бремя.⁵

Миф о женской зависимости от мужчин-добытчиков скрывает асимметричные отношения власти, которыми отмечены частные и общественные сферы влияния. Многие женщины действительно вынуждены сводить концы с концами и даже сегодня зависят от доходов их родителей или мужей, однако этот взгляд односторонний и неточный. Он создает иллюзию независимости мужчин от неоплачиваемого и неоцениваемого женского труда, позволяя мужчинам не замечать или скрывать этот труд, принимаемый как нечто само собой разумеющееся и потому исключаемое из ВВП. Женщины так же участвуют в «добывании хлеба» и воспроизводстве для всей семьи, что должно признаваться на уровне их общественной значимости; в то же время причины растущего женского насилия и отказа от семейной жизни и ценностей в свою очередь нуждаются в критической оценке. Причины снижения рождаемости и регистрируемых браков следует искать скорее в институциональных, политических, образовательных, чем в индивидуальных ценностях. Растущее нежелание женщин оставаться домохозяйками в определенных регионах свидетельствует об экономическом конфликте, вызываемом существующей социальной политикой. Социальная политика государства создает все больше препятствий для того, чтобы женщина могла совмещать работу и семью, практически не оставляя ей выбора. В Финляндии, например, многочисленные исследования и статистика показывают, что работодатели, включая государство, все упорнее избегают ответственности за родительские расходы. Девушкам чаще, чем юношам, предлагают краткосрочные

контракты, позволяющие работодателям не возобновлять их в отношении беременных женщин или женщин, предположительно намеревающихся обзавестись детьми.

Экономическое, ментальное, институциональное, психологическое и физическое насилие должны рассматриваться как взаимосвязанные аспекты. Экономическое насилие приводит женщин в состояние зависимости, делая уязвимыми для других видов насилия. Многие финансово зависимые женщины не располагают свободой возможностей покинуть партнеров-наильников, особенно если у них есть маленькие иждивенцы. В конце концов, исследователи и политики Севера должны понять, что насилие против женщин – наиболее важная и прямая причина женских физических и психических травм и смертей (убийств женщин). Исследования доказывают, что дом является наиболее опасным и жестоким местом для женщин во всем мире. Это вопрос как прав человека, так и экономики, поскольку насилие приносит огромные убытки (Heiskanen & Piispa, 2002) и нарушает условия стабильной и продуктивной семейной жизни или возможности работы по найму.⁶ По статистике, в Гренландии каждая вторая женщина подвергается сексуальному насилию, и эта пропорция аналогична в других отдаленных районах проживания коренных народностей. В некоторых группах коренного населения существует более высокий процент многоуровневого насилия из-за наследия сексуального насилия, существовавшего в школах-интернатах (Канада), а также других факторов колониального влияния. В сочетании с ростом организованной проституции и торговли женщинами в северных селениях (женщин из России и других мест соблазняют «работой» на Западе) это приводит к тому, что многие матери с детьми предпочитают оставить дом в поисках поддержки, лучшей организации услуг, больших возможностей найти работу, меньшей угрозы насилия, и избежать полулегальной проституции, разрушающей семьи. Россия планирует легализовать проституцию, несмотря на то, что тесная связь между торговлей женщинами и организованной проституцией хорошо известна, и это признается формой насилия в отношении женщин. На сегодняшний день только в Швеции покупка сексуальных услуг считается преступлением, при этом акцент делается на антисоциальном поведении мужчин-клиентов, а не на обвинении жертв сексуального и экономического насилия. Решением этой проблемы, отмеченной во многих

регионах Севера, не может быть замена местных женщин невестами, выписанными по почтовому каталогу из других стран, где женщины доведены до положения сексуальных рабынь как единственного средства выживания (или вынуждены предоставлять сексуальные услуги через развитые сети торговли).

«Заинтересованные стороны» проектов северного развития должны учитывать эти социальные факторы при рассмотрении условий благосостояния на Севере (а не только удобного для транснациональных компаний бизнеса). Взгляд с учетом интересов разных полов также означает рассмотрение таких важных проблем мужского населения Севера, как алкоголизм, самоубийства взрослых и подростков, безработица, депрессия, являющихся результатом фрагментации и разрыва социальной ткани общества. Необходимо также исследовать жизнь маргинального мужского населения Севера. Финские исследования мужчин, например, раскрывают цену «непробиваемости» или «гегемонической мужественности» и жестких половых ролей, которые прививаются мужчинам традиционным воспитанием. Поскольку все вопросы взаимосвязаны, для борьбы с эпидемией насилия против женщин необходимо анализировать и учитывать мужские мифы, воспитание мальчиков и социализацию в господствующей и маргинальной культуре северных обществ (Miedzian 1991). Есть убедительные свидетельства того, что общественный уклад коренных народов становится более патриархальным и иерархическим вследствие импорта западных гендерных систем.

В исследованиях и политике в области здравоохранения и социальных служб важно принять во внимание культурно значимые способы предоставления услуг, и здесь также необходимо учитывать конкретные потребности и проблемы женщин. Чтобы политика для северных регионов была сбалансированной, она должна учитывать ценности и мировоззрение, принятые и оберегаемые коренными народами и женщинами.

Проблемы, вызывающие конфликты между северными народами, можно суммировать как ценности, базирующиеся, с одной стороны, на патриархальной экономике обмена (рыночная экономика и связанные с ней культурные ориентиры развития), и, с другой, на экономике дарения-отдаривания (Kelley 1992), основанной на женской и туземной логике материнства, этике

заботы и социальной ответственности (Kailo 2000, 2002a, 2002b). Первая опирается на индивидуальные, андроцентричные, конкурентные ценности и коренится в мужской модели образования с ее краткосрочной выгодой и концентрацией власти как скрытой формы асимметричного «обмена». Вторая делает акцент на экосоциальной устойчивости как эффекте групповых прав и ответственности, взаимопомощи, социальной справедливости, равенстве и сбалансированных отношениях между человеком и природой. Экономика или парадигма дарения⁷ обеспечивает и удовлетворяет нужды без обязательности обмена или взаимности (дети и больные не могут расплачиваться), тогда как обменная экономика вознаграждает асимметричные торговые отношения без достаточного внимания к социальным последствиям или затратам относительно окружающей среды или уязвимых групп. Мужчины и женщины могут отождествлять себя с той или иной формой экономики или мировоззрения, но очевидно, что патриархальная экономика обмена (с ее мифом о взаимной выгоде) является единственной полностью признаваемой и ценимой парадигмой. Экономика дарения содержит другой взгляд на эколого-социальную и гендерную взаимозависимость. Экономика обмена не желает признать своей собственной зависимости от добровольных даров, предоставляемых женщиной капитализму, которые можно сравнить с прибавочной стоимостью труда работника при капитализме (Vaughan 1997). Для коренных народов возвращение природе того, что у нее взято, представляет собой не иерархическое и не дуалистическое мировоззрение, и товары обращаются как дары на благо коллективного мира и равновесия, не накапливаясь для частного потребления. Уважительное обращение с животными как субъектами врожденного и неотъемлемого права резко контрастирует с коммерциализацией и подчинением животных в агробизнесе. Обращение с женщинами, коренными народами и животными как с простым сырьем или ресурсами (дешевая рабочая сила) было бы невозможно в контексте целостного, построенного на взаимозависимости традиционного уклада коренных народов. Социальный контракт западного человека, напротив, делит мир на «нас» (т.е. белого человека, культуру, «цивилизацию», людей) и низших по отношению к ним, зависимых «прочих» (т.е. женщин, представителей коренных народов, животных и природу). Важность разоблачения и рассмотрения различных современных форм «арктического отчуждения» (Kailo 2002b) определяется воздей-

ствием монокультуры на будущее человечества и биосферы: как показала Вандана Шива, монокультуры в природе и обществе приводят к потере жизненно важных знаний о выживании, экологической мудрости и способности к адаптации, сеют семена общественных беспорядков, несправедливости, насилия и войн вследствие скудости пищевой цепи (Shiva 1997a, 1997b). Сегодня ученые называют игнорирование и тривиализацию женского и традиционного мировоззрения, мудрости и знания эпистемологическим насилием. Оно не менее вредно, чем физическое насилие и расизм, и, в сущности, представляет собой трамплин для всех других форм арктического отчуждения. Ученые недавно обнаружили новое, неизученное поле исследования – «белая наука и мифология», целью которого является переосмысление наследия западных, евроцентрических научных и культурных парадигм как единственно достойных развития и подражания.

Одним из важных потребностей Севера мне представляется межгендерный и межкультурный диалог, который позволил бы осмыслить конфликт экономических, социальных, духовных и культурных традиций и мировоззрений. Изменение северного климата, экономическая нестабильность в сочетании с прогрессирующей в мире (включая Арктику) феминизацией бедности представляют серьезную угрозу жизни на Севере (см. Canadian Woman Studies/les cahiers de la femme, 2002, 21-22). Необходимо критически взглянуть на монокультурную и патриархальную политику – от экономики до образования, – угрожающую этническому, гендерному и экологическому многообразию Севера.

Женщины как опора семьи не могут найти выражение своей традиционной логике воспитания детей в атмосфере мужского террора и проектов развития «только для мужчин». Гендерные и этнокультурные перспективы должны составлять основу любой политики и любого исследования, а не рассматриваться как некая особая, разовая тема («Женщины Севера»). Позиция женщин должна приниматься во внимание во всех сферах – от нефти, газа, горного дела, безопасности, здравоохранения, экономики, оленеводства, ремесел, транспорта, политики до образования, культуры и искусства – чтобы целостное видение с учетом гендерного аспекта выступало фактором социальной стабильности. Более того, северные темы должны быть ограждены от гендерной слепоты в свой-

ственной мужчинам, ученым и политикам, манере выдвижения приоритетов, особенно в вопросах, прямо связанных с жизненными интересами женщин (напр. гендерные аспекты безопасности, насилие, милитаризация, ЕС, НАТО). Университет Арктики должен считать это предметом особого внимания и актуализировать изучение проблем женщин и коренных народов (напр. обеспечение поддержки и роста ценности местных традиций, культур, языков, ремесел, производства пищи, самонадежности, устойчивости, местных школ и т.д.), наряду с «мужскими» вопросами, связанными главным образом с сюжетами экономического развития – от туризма до ориентированного на мужчин оленеводства.

Многие стратегии помощи женщинам в поиске своего места в жизни включают специальные кредиты для женщин-предпринимателей, целенаправленное обучение (бизнес, ИТ, технологии), новые ролевые модели, финансирование и семинары, направленные на развитие лидерских качеств у женщин, программы обучения, создание сетей по обмену опытом и навыками, предоставление возможностей для получения образования, программы для родителей, юридические консультации, консультации по вопросам прав человека и прав женщин, основанные на традиционных знаниях коренных народов проекты, общественные партнерства, семинары и программы, адаптированные к истории и культуре коренных народов, а также женской истории и мифологии. С другой стороны, как показали дискуссии на конференциях, сбор данных, в частности о жизни женщин на Севере, должен стать приоритетом для исследователей. Данных о статусе и проблемах женщин в отдаленных регионах Севера, собранных с учетом гендерных проблем, пока очень немного. Кроме того, крайне необходимы данные о воздействии глобализированной рыночной экономики и неолберальной политики на женщин в России и различных отдаленных регионах Арктики.⁸

Только при серьезном учете всех этих взаимосвязанных социальных факторов можно создать условия для экосоциального благополучия и здоровых рынков, здоровых работников на Севере. Возможности для здорового бизнеса весьма ограничены в обществе, где половина женщин жертвы, а половина населения виновна в насилии. Однако без слов ясно, что рынки не должны быть мерилем ценности прав человека и прав женщины. Женщины и природа наделены внутренней

ценностью, выходящей за пределы потребности рынка в дешевом, доступном труде и бесплатных домработницах. Наконец, в качестве отзыва на установку Форума относительно того, что все эссе должны соответствовать повестке сессий, я вынуждена заключить: женщины и женские вопросы остались здесь незаметными. Эта тема не удостоилась внимания и осталась незаметной и неопределенной – подобно вкладу женщин, равно как и угрозе их благосостоянию по всему Северу. Мы все должны уяснить, что только равенство женщин может гарантировать качество жизни в северных сообществах.

Примечания

- ¹ Анжела Майлз – активистка движений Канадских женщин и экологии, а также исследователь и профессор Женских исследований. Много лет она изучала гендерные и глобализационные вопросы, представляя их на различных форумах, например, на сессии «Экономика дарения» на Всемирном социальном форуме в Порто Аллегре в январе 2002 г. У меня нет ее точных ссылок, но она ссылается на работу Дэвида Кортена (Korten 1995). Среди ссылок на статус канадских женщин в условиях глобализации она также указывает рабочую группу Alt-Wid (Женщины в альтернативном развитии), www.igc.apc.org или Национальный действующий комитет по статусу женщин, и CRIAW, «Женские судьбы в меняющемся мире», январь 1995 г.
- ² Журнал «Day» также отмечает, что «женщины Канады по экономическим показателям выглядят в 2000 г. не лучше, чем 30 лет назад, в годы работы Королевской комиссии по статусу женщин» (Monica Townsend, 2000, цит. по: Day, 2002, 1). Датский экономист Esther Boserup показала еще в 1960-х, как помощь развитию не способствовала повышению жизненных стандартов большинства женщин в Африканских странах южнее Сахары (Boserup 1970). Ее же исследования дали возможность сделать заключения об оплате женской доли в мировом объеме труда: женской доле труда, составляющей от 66 до 75%, соответствует оплата в объеме 10% всей мировой зарплат; и женщины владеют менее 1% частной собственности в мире. Исследователи считают, что эти показатели в ближайшие десятилетия изменятся в худшую для женщин сторону (Ås 1999, 99). См. также Lakeman (2000) применительно к положению женщин в Канаде и глобализации. Множество исследований сегодня показывают, что мрачные предсказания сбываются, и феминизация бедности оказывается общим следствием «развития» в Европе и других частях планеты.
- ³ Эта мрачная статистика, на которую ссылаются Смайк и другие, с начала 1990-х ухудшилась.

- ⁴ О беспрецедентном выпаде против демократии и экологических законов см. Nader (1993). Воздействие Генерального соглашения о тарифах и торговле угрожает Европе, и по мере нарастания тенденций приватизации сервиса от здравоохранения до образования этот вопрос актуализируется и в Нордических странах. Сходные размышления см. также: Hassi (2001), Vainio-Mattila (2001) и Tuomioja (2001). О гендерном и экологическом влиянии неолиберализма, ВТО и ЕС, см. также работы Hilka Pietilä (напр. 1998).
- ⁵ Экономические принципы, стоящие за неолиберальной идеологией свободной торговли, подчеркивают права частных лиц и «свободных» компаний, едва удостоивая внимания гендерное разделение труда и его структурное, институциональное и поведенческое воздействие на женщин, которые связаны с зависимыми от них детьми и не могут конкурировать как «свободные индивиды», подобно большинству мужчин. Любая система, не принимающая во внимание незаметный женский труд, от репродукции рабочей силы до эмоциональных и иных форм «дарового труда», обогащает мужчин в одностороннем порядке.
- ⁶ По финским данным, цена насилия против женщин достигает 170 млн. марок в год (Heiskanen & Piispa 1998). Другую официальную статистику см.: Perttu (2002, 25-27). Пертту отмечает, что, согласно оценкам, до 5000 женщин были убиты из-за требований приданого в Индии, еще 5000 – ради «фамильной чести» в ряде стран Ближнего Востока и Латинской Америки. Она также отмечает, что, согласно данным Европейского Союза за 2001 г., 4 млн. женщин были предметом торговли в мировом торговом обороте. О гендерном воздействии неолиберальной экономики см. также сочинения Christa Wichterich (2002). О вопросах экономической справедливости в гендерных отношениях Востока и Запада Европы см. Tarasiewicz (2002).
- ⁷ О представлениях коренных народов о балансе и традиционных знаниях, перекликающихся с экономикой дарения-отдаривания, см. Rattray (2001).
- ⁸ Хорошо известно, что экономическая зависимость повышает уязвимость женщин перед сексуальным насилием; с другой стороны, поскольку даже высоко образованные женщины и партнерши мужчин-алкоголиков страдают от насилия, необходимо выявить корни мужского насилия в моделях образования, институциональных установках в отношении гендерных ролей, «гегемонистической» мужественности (R.W. Connell 1995), мужской военной таинственности (Miedzien 1992) и наиболее конкурентных, агрессивных капиталистических ценностей (Vaughan 1997).

Литература

Afshar, Haleh and Stephanie Barrientos, eds. 1999. *Women, Globalization and Fragmentation in the Developing World*. Macmillan Press, London.

Alt-Wid, Alternative Women in development working group, coc@igc.apc.org.

Batra, Ravi. 1994. *The Myth of Free Trade: the Pooring of America*. New York: Simon & Schuster.

Boserup, Ester. 1970. *Women's Role in Economic Development*. London: Allen and Unwin, London.

Connell, R.W. 1995. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.

Day, Shelagh. 2000. "The Indivisibility of Women's Human Rights." *Canadian Woman Studies/les Cahiers de la Femme*. 20.3. 11-16.

Dokmanovic, Mirjana. Ed. Transition. 2002. *Privatisation and Women*. Women's Centre for Democracy and Human Rights. Subotica, FR: Yugoslavia.

Eisenstein, Zillah. 1998. *global obscenities. patriarchy, capitalism and the lure of cyberfantasy*. New York: New York UP.

Eräsaari, Leena. 1999. "Musta engeli-naisia rakennushallituksen raunioista." lama.nousu@hel.fi. Havainnot ja vuosituhannen vaihteen Helsingistä. Toim. Vesa Keskinen. Helsingin kaupungin tietokeskus. 95-107.

Graeme, Toni. 1990. "Changing Women in the North." In Crnkovich, Mary, ed. "Gossip" *A Spoken History of Women in the North*. Ottawa, Canadian Arctic Resources. 61-62.

Hassi, Satu. 2001. "Promoting a North-South Dialogue" in *Democracy and Globalization. Promoting a North-South Dialogue*. Rikkilä, Leena ja Patomäki, Katarina Sehm (eds.). Helsinki: Hakapaino.

Heiskanen, Markku & Piispa, Minna. 1998. Faith, Hope, Battering. A Survey of men's Violence against Women in Finland. Statistics Finland & Council of Equality, Justice 1998: 20.

Kailo, Kaarina. 2002a. "Globalisaatio ja ekofeminismi." *Naiset ja globalisaatio*. (Women and Globalization)Toim. Rosa Meriläinen, toim. Vihreät

- Naiset. (www.rauhanpuolustajat.fi/globalisaatio/index.html)
- Kailo, Kaarina. 2002b. "Violence vs. Women, Nature and Democracy--Alternatives to the Politics of "Arctic Othering." In *Taking Wing, Conference on Gender Equality and Women in the Arctic*, Saariselkä, Inari, Aug. 3-6th. 205-216.
- Kailo, Kaarina. 2002c. "Gift and Give Back Philosophies." Paper presented at the Gift Economy Conference, Austin, Texas, organized by Feminists for the Gift Economy. Forthcoming in *We Want a Market-free Society, Not a Free Market*. Ed. Genevieve Vaughan. Austin: Plainview Press.
- Kailo, Kaarina. 2000d. "Holistic Well-Being, Technology and Globalization. Threats to Ecological Balance." in *International Conference: Towards Holistic Well-Being*. Conference Proceedings. School of Health and Social Care, Oulu. Oulun Ammattikorkeakoulun julkaisuja, Holistic Well-Being. toim. Annikki Lämsä, Oulu.
- Kailo, Kaarina. Forthcoming 2004a. "From Sustainable Development to the Subsistence or Abundance Perspective--Back to the Gift and Give Back Paradigms in the North." Women's Worlds Congress, Uganda. 21-27.7.03. Conference Proceedings.
- Kailo, Kaarina. Forthcoming 2004b. "Sexual Violence, Monoacculturation and the Mechanisms of Patriarchal Violence." Women's Worlds Congress, Uganda. 21-27.7.03. Conference Proceedings.
- Kelley, Caffyn. 1992. *Give Back. First Nations Perspectives on Cultural Practice*. North Vancouver: Gallerie Publications, North Vancouver.
- Khotkina, Zoia. 2002. "Gender Paradox of Russian Transition to the Market Economy." In Dokmanovic, Mirjana. Ed. *Transition. Privatisation and Women*. Women's Centre for Democracy and Human Rights. Subotica, FR: Yugoslavia. 45-51.
- Korten, David. 1995. *When Corporations Rule the World. Towards a Green Revolution*. San Francisco: Kumarian Press.
- Lakeman, L. 2000. "Why Law and Order Cannot End Violence against Women and Why the Development of Women's Social, Economic, Political and Civil Rights Might." *Canadian Woman Studies/les cahiers de la femme. Eradicating Poverty and Violence in the 21st Century*. 20.3. 24-34.
- Miedzian, Myriam. 1991. *Boys Will Be Boys. Breaking the Link Between Masculinity and Violence*. New York: Doubleday.
- Miles, Angela. Statistics on gender and globalization. Personal communication at the World Social Forum, Porto Alegre, The Gift Economy session, Jan. 2002.
- Nader, Ralph et al., 1993. *The Case Against "Free Trade": GATT, NAFTA, and the Globalization of Corporate Power*. San Francisco: Earth Island Press.
- Pietilä, Hilkkka. 1998. Violence against women - An obstacle to Peace. Four Conferences - A New Vision. Report 1997. In EuroPRO-Fem. CD-Rom. June 1998, European Profeminist Men's Network. City & Shelter, Brussels.
- Rattray, Curtis. 2001. "Talhtan Traditional Ecological Knowledge." In *Dispatches from the Cold Seas. Indigenous Views on Self-governance, Ecology and Identity*. Rattray, Curtis and Tero Mustonen, eds. Tampere Polytechnic Publications, Ser. C: Study Materials, 3: 138-168.
- Shiva, Vandana. 1997a. *Biopiracy. The Plunder of Nature and Knowledge*. Boston, South End Press.
- Shiva, Vandana. 1997b. "Economic Globalization, Ecological Feminism and Sustainable Development." *Canadian Woman Studies/les cahiers de la femme*. 17.2 (Spring): 22-27.
- Smyke, Patricia. 1991. *Women and Health*. London & New Jersey, Zed Books Ltd.
- Tarasiewicz, Malgorzata. 2002. "The Project of the Network of East-West Women and NEWW-Polska: Women's Economic Justice Network: Strengthening Feminist Economic Expertise in CEE/FSU region. 207-209.
- Dokmanovic, Mirjana. Ed. *Transition. Privatisation and Women*. Women's Centre for Democracy and Human Rights. Subotica, FR: Yugoslavia.
- Townson, Monica Townson. 2000. *Report Card on Women and Poverty*. Ottawa: Canadian Centre for Policy Alternatives. 200.
- Vainio-Mattila, Arja. 2001. *Navigating Gender. A*

Framework and a Tool for Participatory Development. Ministry for Foreign Affairs, Department for International Development Cooperation. Helsinki.

Vaughan, Genevieve. 1997. *For-Giving. A Feminist Criticism of Exchange.* Foreword by Robin Morgan. Texas: Plainview Press. On request from author.

---. 2002. *36 Steps Toward a Gift Economy.* Austin: Texas. Available on request from the author.

Wichterich, Christa. 2002. Globalisoitu nainen. käänt. Ilona Nykyri. (Globalized Woman) Raportteja epätasa-arvon tulevaisuudesta. Otava: Keuruu.

Ås, Berit. 1999. "Globalization as the Feminization of Poverty. What, Whom and How Do We Teach?" in *Globalization – On Whose Terms?* Birgit Brock-Utne and Gunnar Garbo, eds. Institute for Educational Research, University of Oslo. Report 5.

Законодательное обеспечение прав человека Севера (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа)

Сергей Н. Харючи

В ближайшие десятилетия экономика России будет развиваться за счет промышленного освоения недр северных территорий. Это означает неминуемое сосуществование двух цивилизаций, двух разных менталитетов, образов жизни и культур. Сформировавшиеся за тысячелетия традиции с присущими им технологиями хозяйственной деятельности, равно как и среда обитания первых народов данной территории, неизбежно будут испытывать мощное техногенное воздействие.

Как показывает опыт западных государств, проблемы коренных народов находятся в компетенции Советов безопасности. Там ясно понимают, что проблемы коренных народов – это, прежде всего, проблемы территорий, земли и природных ресурсов, партнерских отношений с организациями коренных народов.

В статье 69 Конституции Российской Федерации определено, что “Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации”, а пунктом первым статьи 72 государством гарантирована защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов и этнических общностей. Кроме того, в последнее десятилетие вышли Указ Президента Российской Федерации от 22 апреля 1992 г. “О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйствен-

ной деятельности коренных малочисленных народов Севера” и ряд других законов, защищающих права коренных малочисленных народов.

Губернатор и Государственная Дума Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) выступили в этом вопросе в качестве первопроходцев, поскольку ранее законов в защиту прав коренных малочисленных народов и этнических общностей в нашей стране практически не было, не считая отдельных нормативных актов, изданных еще в 1920–30-е гг. Всероссийским Центральным исполнительным комитетом.

В начале 1990-х нам было очень важно концептуально определиться с предстоящей работой по обеспечению гарантии прав в области социально-экономического развития коренного населения с участием представителей самих народов и ведущих ученых-североведов. В 1993 г. была разработана и принята окружным Советом народных депутатов Концепция социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа. В 2000 г. в связи с реализацией основных положений Концепции, изменившейся социальной, экономической, политической ситуацией в стране, вышеназванный окружной документ подвергся редакции, в которой были определены новые приоритеты в работе органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций коренных народов.

После продолжительных дискуссий Концепция социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера была утверждена Государственной Думой ЯНАО и стала рабочим документом для руководителей всех уровней и сфер деятельности.

Основопологающим документом, в котором определены основные гарантии прав коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей является Устав (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа, имеющий высшую юридическую силу на территории ЯНАО. В преамбуле Основного закона округа предусматривается обеспечение прав и законных интересов коренных малочисленных народов Севера (ненцев, ханты, селькупов), проживающих на территории исторического формирования и проживания своих предков, а также иных этнических общностей, связавших свою судьбу с Округом. Практически в каждом разделе Устава закреплены права и гарантии коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей, которые более полно раскрыты в законах и нормативно-правовых актах ЯНАО.

На сегодняшний день Государственной Думой ЯНАО принято более двух десятков законов, нормативных правовых актов, регулирующих условия жизнедеятельности, самобытное культурное развитие, защиту исконной среды обитания и традиционный образ жизни коренных народов. Во многих других законах предусмотрены разделы и статьи, в которых оговариваются права, полномочия и гарантии для данных народов. Остановлюсь на некоторых из них.

В 1997 г. был принят окружной закон «О регулировании земельных отношений в местах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа». Не случайно именно этот закон стал первым окружным законом о защите прав коренных малочисленных народов. Прежде всего, следовало законодательно утвердить, что вся жизнедеятельность коренных малочисленных народов Севера связана с землей, все возможности их существования обусловлены трудом непосредственно на земле; утрачивая связь с землей, они перестают быть народами.

Была и вторая причина первоочередного при-

нятия данного закона. Важно было не допустить конфликта между землепользователем (предприятиями традиционных отраслей) и предприятиями промышленного комплекса в условиях отсутствия федерального законодательства. Нам удалось найти оптимальный вариант регулирования земельных отношений между органами государственной власти, местного самоуправления, общинами коренных народов и этнических общностей и работниками нефтегазового комплекса.

Одновременно Дума ЯНАО приняла закон «Об особо охраняемых природных территориях Ямало-Ненецкого автономного округа». Его цель – сохранение уникальных, эталонных и типичных природных комплексов и объектов, генетического фонда живых организмов, растительного и животного мира. Кроме того, целью закона является изучение естественных процессов в биосфере и контроль за изменением ее состояния, экологическое воспитание населения, укрепление законности и правопорядка в этой области.

Согласно данному закону, на особо охраняемых природных территориях (исключая этно-природные парки) запрещается хозяйственная деятельность, несовместимая с их режимом, кроме деятельности, обеспечивающей сохранение экологического равновесия (ведение традиционного образа жизни и культурной деятельности). Примечательной чертой закона является установление в нем различных режимов использования для многих категорий особо охраняемых природных территорий. В законе различаются природные заповедники, в том числе биосферные, национальные парки, межнациональные и окружные (региональные) природные парки, ландшафтные парки, микрозаповедники, государственные природные заказники (охотничьи, орнитологические, энтомологические, ихтиологические, почвенные, ландшафтные и другие), водоохранные зоны водоемов, лечебно-оздоровительные местности, памятники природы и др. Таким образом создается возможность точного определения особо охраняемых территорий и поддержания в них соответствующего режима.

Примером такого подхода может служить закон «О рыболовстве в Ямало-Ненецком автономном округе». Его нельзя относить к законам, направленным только на защиту прав коренных малочисленных народов, хотя для этих народов он имеет большее значение. Для коренных народов

продукты рыболовства являются одними из наиболее важных источников жизнеобеспечения. Угроза этому традиционному виду хозяйствования особенно существенна, поскольку в процессе индустриализации рыболовству округа был нанесен большой ущерб. Только за годы становления промышленного комплекса в округе стали непригодны для рыболовства 28 рек и множество озер.

Закон автономного округа «Об оленеводстве» следует отнести к числу наиболее важных для коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей. Оленеводство во все времена было основной жизнеобеспечивающей, этнообразующей отраслью для большинства народов Севера. По свидетельству этнографов, в тех районах Крайнего Севера, где были нарушены традиционные формы ведения оленеводства, за последние 20 лет произошло сокращение численности народов Севера в среднем на 10,7 процента. Там, где на одного коренного жителя приходится более 11 оленей, произошло увеличение численности – от 3,6 до 23,7 процента. В Ямало-Ненецком округе на одного человека приходится 15,6 голов оленей.

Закон «Об оленеводстве» устанавливает правовые, экономические, природоохранные и социальные основы оленеводства как одного из видов традиционной хозяйственной деятельности в местах проживания коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей. Он направлен, как сказано в его преамбуле, на создание условий для эффективной хозяйственной деятельности и сохранения традиционного образа жизни и культуры коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей. Закон призван установить гарантии стабильного развития оленеводства, независимо от форм собственности, удовлетворить потребности граждан и народного хозяйства в продукции оленеводства, установить преимущественное право коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей на занятие оленеводством.

Многие обычаи, сложившиеся в среде коренных малочисленных народов Севера, заслуживают общественного внимания и законодательного закрепления. Это, в частности, относится к обычаю, сложившемуся среди коренных народов Севера и направленному на предотвращение детской безнадзорности и спасение жизни сирот. В соответствии с этим обычаем дети-сироты из числа малочисленных народов Севера принимались в

одну из соседских семей, равноправными членами которой они становились. С целью поддержания этого гуманного обычая в автономном округе был принят закон от 29 апреля 1998 года «О порядке и размерах оплаты труда и дополнительных льготах, предоставляемых приемной семье в Ямало-Ненецком автономном округе», в соответствии с которым дети из числа коренных малочисленных народов Севера, переданные на воспитание в приемную семью и ведущие традиционный образ жизни, по достижении 18-летнего возраста безвозмездно обеспечиваются органами местного самоуправления, из расчета на одного ребенка, комплектом жилья для ведения традиционного образа жизни и 30 оленями.

Окружной закон «Об образовании» предусматривает организацию в местах компактного проживания коренных народов изучения родных языков, обеспечение подготовки специалистов для осуществления образовательного процесса на родных языках, льготы педагогическим работникам, преподающим языки коренных народов. В законе также предусматривается возможность обучения детей из числа коренных народов, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни, в стационарных условиях с сохранением постоянных связей со своими семьями, что позволяет сохранять родственные и этнические связи между поколениями.

Закон «О местном самоуправлении в Ямало-Ненецком автономном округе» устанавливает специфику организации местного самоуправления в местах проживания коренных народов, формы местного самоуправления коренных народов, образования и полномочия общин.

Закон «О недрах и недропользовании в Ямало-Ненецком автономном округе» был принят в феврале 1997 г. и наряду с соответствующим федеральным законодательством регулирует отношения владения, пользования и распоряжения недрами. Закон содержит правовые и экономические основы комплексного рационального использования и охраны недр, обеспечивает защиту прав и интересов населения автономного округа и пользователей недр. В ст. 64 предусмотрено, что «за пользование недрами на территории проживания и традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей часть платежей, поступающих в окружной бюджет, используется для социально-экономического развития этих народов».

В завершении хотелось бы отметить, что каждый регион арктической зоны имеет свою специфику, политико-правовую базу, свою историю и традиции. Следовательно, в каждом конкретном случае методы и формы разрешения проблем могут быть иными. Однако я считаю, что мы должны стремиться к тому, чтобы в отношении Севера и его коренного населения были определены единые подходы в правовом регулировании использования природных ресурсов, которые должны вклю-

чать в себя не только участие субъектов права, согласительных процедур, но и вопросы права собственности, государства и коренных народов, государственной власти и местного самоуправления, вопросы правового регулирования проблем экологии, сохранности биологических ресурсов, животного и растительного мира. Лишь при таком подходе мы сможем вместе добиться устойчивого сбалансированного развития наших регионов и стран.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – «ВЫЗОВ» ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Н. Р. Тойвонен

Европейский Север России (далее Регион)¹ является уникальным уголком мира. Огромные запасы природных ресурсов, среди которых нефть, газ, минералы, рыба, лес, водные ресурсы, которыми обладает Регион, с одной стороны, и суровый климат, «хрупкая» арктическая и северная природа, сложная демографическая ситуация - средняя плотность населения составляет 4,1 чел/км², с другой стороны, определяют комплекс возможностей и ограничений по организации устойчивого развития Региона.

Успешное социально-экономическое развитие территорий, обеспечивается, в первую очередь, привлечением инвестиций в экономический блок. Создание инвестиционного климата, как одного из важнейших условий социально-экономического развития региона, подразумевает наличие двух компонентов:

1. благоприятной правовой, кредитной, фискальной, налоговой, таможенной базы на федеральном и региональном уровнях, а так же
2. наличие должной компетенции, способной обеспечить практическое использование инвестиционных средств. В свою очередь это включает наличие:
  - высококвалифицированных кадров по широкому спектру специальностей – экономистов, юристов, менеджеров, инженеров, программистов, технического персонала и т.д.;
  - подготовленной технической базы, включающей знания и опыт по внедрению новых

технологий и “know-how”, инфраструктуры по организации инновационной деятельности и пр.

Первая, из указанных выше 2-х задач, находится в компетенции федеральной и региональных законодательных и исполнительных властей. С учетом нынешней политической ситуации в России ее решение, по-видимому, займет 2-4 года. Вторая задача должна решаться на местах представителями регионов, включая как государственные органы власти и научно-образовательные учреждения, так и бизнес, и может занять 5-10 лет.

Проблемы развития инновационной деятельности в России

Развитие инновационной деятельности², обеспечивающей внедрение прикладных научных разработок, а также наукоемких и ресурсосберегающих технологий и техники в практику, их трансферт и многие другие мероприятия являются, в значительной степени, «ахиллесовой пятой» России в целом и Региона, в частности. Приведем несколько фактов [1].

Во-первых, удельный вес предприятий, разрабатывающих и внедряющих новые, либо усовершенствованные, продукты и технологические процессы в промышленности бывшего СССР колебался в пределах 60-70%, тогда как в России в 1997г. – только 4.7% и в 1999г. – 6.2%. Укажем, для

сравнения, средний по ЕС – 53% [2] (в Португалии – 26%, Ирландии – 74%), США – 33%.

Во-вторых, характерным параметром развития инновационной деятельности в стране служит показатель наукоемкости производства. В 1999 году его величина на инновационно-активных предприятиях России составляла в среднем - 0.5% (в 1995г. – 0.8%).

В-третьих, доля высокотехнологичного экспорта в его общем объеме составляет незначительную часть – 3.4% в 1998г., что указывает на сырьевую ориентацию российской экономики и низкую конкурентоспособность российских предприятий на международном рынке наукоемкой продукции. Например, в среднем по странам ЕС она составляет 17.1%, Японии - 24.6%, в США – 27.6%.

В-четвертых, ожидается, что с 2003-2004 годов в России начнется этап технологических катастроф, вызванных моральным и физическим устареванием промышленных мощностей более чем на 70%.

Факторами, сдерживающими развитие инновационной деятельности, являются:

1. Недостаток финансовой поддержки, как со стороны государства, так и собственных средств предприятий и высокая стоимость нововведений;
2. Отсутствие законодательной базы, стимулирующей развитие инновационной деятельности;
3. Высокий экономический риск и длительные сроки окупаемости нововведений;
4. Слабый уровень развития исследовательской базы на производстве и неготовность предприятий к освоению новейших научно-исследовательских достижений;
5. Недостаток информации о новых технологиях и возможности кооперации с другими предприятиями и научно-исследовательскими организациями;
6. Отсутствие достаточного числа специалистов и разветвленной инфраструктуры, содействующих развитию инновационной деятельности и т.д.

Примером, демонстрирующим последнее, является отсутствие в Регионе сильных технологических парков. Данная ситуация, в первую очередь, объясняется проблемами переходного периода, переживаемого Россией.

Проблема усугубляется резким снижением притока высококвалифицированных специалистов из ведущих столичных вузов в регионы, что вызвано отменой в России в 1991г обязательного распределения выпускников средних и высших специальных учебных заведений по заявкам предприятий и организаций. Это повлекло за собой снижение уровня квалификации кадрового состава предприятий.

Проблемы развития инновационной деятельности на Европейском севере

Европейский Север является уникальным регионом по разработке и апробации модели организации международного регионального сотрудничества в сфере инновационной деятельности. Это обусловлено рядом причин, важнейшими из которых являются:

1. выгодное геополитическое положение региона - соседство Региона со странами Северной Европы, наличие границы ЕС с Россией, расположение двух наиболее активных международных региональных сообществ в регионах Балтийского (Совет государств Балтийского моря) и Баренцева (Баренцев Евро-Арктический регион) морей, расположение трассы «Северный морской путь» и т.д.;
2. наличие огромных запасов полезных ископаемых, причем состав полезных ископаемых, расположенных на российской территории и странах Северной Европы, совпадают;
3. высокий уровень компетентности стран Северной Европы по добыче и высокой степени переработки имеющихся полезных ископаемых в соответствии с принципами устойчивого развития территорий;
4. значительный политический и экономический интерес мировых лидеров к развитию сотрудничества в Регионе и на всем Европейском севере, подтвержденный наличием специальных программ, например, «Северное измерение» у ЕС, «Северная инициатива» у США, «Северное измерение» у Канады;
5. значительные финансовые возможности, как собственные, так и различных международных организаций, стран Северной Европы, США и Канады по содействию Европейскому Северу России в организации добычи и переработки имеющихся природных ресурсов;

6. крепкие связи между научно-образовательными учреждениями Региона и стран Северной Европы, подкрепляемые реализацией совместных образовательных, исследовательских и обменных программ;
7. определенная тенденция зарубежных организаций к развитию сотрудничества с российскими партнерами в сфере инновационной деятельности, включая разработку и трансферт новых технологий на российский рынок, в целях создания определенных гарантий в представлении своих интересов в Регионе в ближайшей и дальней перспективе;
8. близкое географическое положение и тесное сотрудничество в сфере образования, науки и инновационной деятельности учреждений Региона с ведущими центрами федерального значения, расположенных в г. Москве и г. Санкт-Петербурге;
9. возможность диверсификации узкой промышленной специализации, позволяющей создавать дополнительные рабочие места для населения Региона;
10. многовековые экономические, этнические и культурные связи и т.д.

Вместе с тем, указанный выше потенциал, до настоящего времени не задействован в полной мере в решении конкретных задач социально-экономического развития Региона. Причин, объясняющих сложившуюся ситуацию, несколько. Укажем наиболее значимые из них.

Во-первых, это разобщенность действующих в регионе международных, зарубежных и российских программ. В частности, попытки согласования и гармонизации рабочих программ Баренцева Евро-Арктического сотрудничества (БЕАР) и Совета Министров Северных стран (СМСС), а также программ стран Северной Европы ориентированных на Российские территории, не увенчались успехом. К сожалению, все они действуют разобщенно. Подобная несогласованность действий, в большинстве своем, приводит к отсутствию общей концепции и программ совместных действий и, как результат, к значительному снижению эффективности сотрудничества с российскими территориями.

В качестве примера работы международных организаций в обсуждаемой сфере отметим Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). В плане перспектив развития инноваци-

онной деятельности, данное сотрудничество имеет много общего с Баренцевым Евро-Арктическим регионом: значительные ресурсы полезных ископаемых, членство в организации ведущих мировых держав, обладающих как финансовыми ресурсами, так и опытом и знаниями работы в инновационной сфере и другие.

Вместе с тем, в рамках АТЭС уже проводится комплексная работа по организации сотрудничества в инновационной сфере. В частности, 26-28 июня 2002г. в г.Москва, состоялся Инновационный форум "Международное деловое сотрудничество в области инновационного предпринимательства". Инновационный форум стал одним из первых масштабных мероприятий АТЭС на территории России, которые содействовали устранению существующих информационных барьеров, возникновению новых деловых контактов и созданию условий для реализации совместных бизнес-проектов в интересах малых и средних инновационных предприятий стран - членов АТЭС и России.

Во-вторых, следует признать, что большая часть международных и зарубежных проектов и программ не вносит какого-либо значительного вклада в развитие взаимовыгодного и эффективного сотрудничества с российскими партнерами. В качестве примера можно привести большинство проектов программ ЕС Интеррег, в которых роль российского партнера – обязательного участника проекта - сводится к роли статиста. Подобное сотрудничество приводит к снижению интереса российских партнеров к проектам подобного рода. Вместе с тем, есть и положительные примеры - БЕАР, где российские организации в сотрудничестве с норвежскими решают некоторые проблемы Баренцева региона на паритетных началах.

В-третьих, отсутствие на данный момент значимого интереса у международных и зарубежных партнеров к созданию компетентности (англ. capacity building) в России в области развития инновационной деятельности. В частности, анализ проектов, финансируемых организациями БЕАР и СМСС, указывает на отсутствие спланированных и четко реализуемых программ в данной сфере. Одним из исключений является проект «Совместная Карельско-Норвежская рыболовная ферма на Белом море», реализованный Петрозаводским государственным университетом совместно с фирмой Акваплан-Нива (англ. Akvaplan-Niva AS, Тромсе, Норвегия) в рамках программы БЕАР.

Проект оказал комплексное воздействие на становление образовательной, научно-исследовательской и предпринимательской сторон развития форелеводства в республике Карелия, поэтому в том, что Карелия производит 2/3 всего объема форели в России, есть заслуга и указанного проекта.

В-четвертых, отсутствие должной инфраструктуры и информационно-консалтинговой системы организации сотрудничества российских и зарубежных организаций в области инновационной деятельности.

В-пятых, к сожалению, региональные органы власти, представители промышленности, различного рода бизнес-сообществ, торгово-промышленных палат, с одной стороны, недооценивают важность развития инновационной деятельности для экономики своих территорий, а с другой стороны, не имеют достаточных знаний, опыта и средств по организации подобной деятельности.

Идея придания инновационной деятельности особого статуса в рамках БЕАР была предложена автором в 1998г., что было обусловлено определенной экономической и научно-технической направленностью сотрудничества, реализуемого этим международным сообществом [4]. К сожалению, данная идея пока не получила поддержку соответствующими административными органами.

Возможности по развитию инновационной деятельности на Европейском севере

Анализ возможностей развития инновационной деятельности на европейском Севере должен включать:

- актуальность темы для Региона – отмечено в разделе II;
- наличие политического и финансового интереса – отмечено в разделе III;
- наличие нормативно-правовой базы, содействующей развитию инновационной деятельности – отмечено в разделе I и II;
- наличие заказчиков и бенефициаров – очевидно, это местные власти и предприятия Региона;
- наличие исполнителей, обладающих нужной квалификацией и опытом работы.

Проанализируем последний пункт на примере сферы энергетики.

Недавние соглашения Российской Федерации с ЕС [3] и США относительно развития сотрудничества в энергетической сфере в той или иной мере затрагивают интересы Региона. В настоящий момент предполагается, что промышленная разработка газоконденсатного месторождения «Штокмановский» (Баренцево море) и строительство трубопровода через территорию Мурманской области, Республику Карелия и Ленинградскую область начнется в течение ближайших 4-6 лет.

Разработка месторождений, переработка и транспортировка сырья и другие сопутствующие технические, а также экологические и социальные аспекты потребуют знаний специалистов различного профиля и соответствующего технического сопровождения, отвечающего принципам устойчивого развития территорий.

Единственными структурами, приспособленными к решению подобных задач, являются высшие учебные и научные заведения Региона, поскольку они:

- обеспечивают подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов по широкому спектру направлений по всему экономическому профилю своих территорий;
- проводят научно-исследовательские работы фундаментального и прикладного характера;
- обладают определенным опытом организации инновационной деятельности, среднего и малого предпринимательства, решения задач для представителей крупного бизнеса;
- имеют материально-техническую и информационно-телекоммуникационную базу для организации деятельности, лежащей в сфере образования, науки, инноваций, трансферта технологий, малого и среднего бизнеса и пр.;
- имеют высококвалифицированный штат сотрудников, знающих иностранные языки, современные информационные технологии и обладающих опытом сотрудничества с международными и зарубежными партнерами;
- действуют во всех территориях, имея, также, разветвленные сети филиалов и учебных центров;
- обладают обширными связями в политических кругах, промышленности, бизнес сообществах и других социальных слоях через своих выпускников, работу на рынке научно-образовательных услуг и пр.

Опыт зарубежных стран по созданию инфраструктуры, организации и ведению инновационной деятельности показывает, что оптимальными структурами, способными взять на себя решение этих задач, являются технологические парки, бизнес-инкубаторы, инжиниринговые центры и т.д., действующие как отдельные юридические лица. К сожалению, в Регионе отсутствуют информационно-консалтинговые, инновационные и иные частные фирмы, способные взять на себя комплексное решение задач по развитию инновационной деятельности.

В современных нормативно-правовых, налоговых и экономических условиях, сложившихся в России, наиболее эффективным способом организации инновационной деятельности является создание вышеуказанных структур при высших учебных заведениях с последующим их отделением для самостоятельной работы через 5-10 лет.

Заключение

Приведенный выше краткий анализ ситуации, указывает на необходимость решения следующих задач по развитию инновационной деятельности в Регионе:

1. разработка концепции и программы развития инновационной деятельности в Регионе с учетом приоритетов и возможностей всех заинтересованных сторон и, в первую очередь, предприятий;
2. интеграция и гармонизация деятельности международных, зарубежных и российских программ в указанной сфере;
3. создание сети зарубежных и российских организаций, заинтересованных в развитии инновационной деятельности в Регионе;
4. создание инфраструктуры, включая административно-организационные органы, и информационно-консалтинговой системы поддержки инновационной деятельности в Регионе;
5. приоритетное стимулирование направлений инновационной деятельности, связанных с

трансфертом технологий и характеризующихся их быстрой окупаемостью.

Решение указанных выше организационно-финансовых задач позволит создать условия для устойчивого развития Региона, в целом, и инновационной деятельности, в частности.

Примечания

- ¹ Европейский Север России включает 6 субъектов Российской Федерации – Республики Карелия и Коми, Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области, Ненецкий национальный округ.
- ² Инновационная деятельность - деятельность, направленная на реализацию накопленных достижений (знаний, технологий, оборудования) с целью получения новых или дополнительных товаров/услуг или товаров/услуг с новыми качествами.

Литература

1. Л. М. Гохберг. Инновационная деятельность в российской экономике. Состояние и перспективы/Инновационная политика и инновационный бизнес в России. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. Специальный выпуск к пятому Петербургскому экономическому форуму, №15 (146)- 2001 . - стр. 89
2. F. Foyn. Community Innovation Society 1997/1998. Eurostat, Research and Development, Theme 9 -2/ 1999, с.15.
3. Совместное Заявление по энергетическому диалогу. Саммит Россия- ЕС. Брюссель, 3 октября 2001 года.
4. Н. Р. Тойвонен. Аналитический отчет «Предложения по развитию сотрудничества в области высшего образования, научных исследований и инновационной деятельности на Севере Европы в рамках Баренцева Евро-Арктического Региона». Петрозаводск. 1999. стр. 25